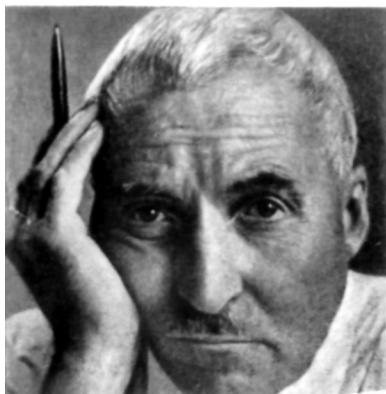

ТРИЛИСТНИК

СТИХИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

МАСТЕРА ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

М А С Т Е Р А П О Э Т И Ч Е

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

**П. АНТОКОЛЬСКОГО, Е. ВИНОКУРОВА,
М. ЗЕНКЕВИЧА, Н. ЛЮБИМОВА
и Б. СЛУЦКОГО**

ВЫПУСК 13—15

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС”

С К О Г О П Е Р Е В О Д А

Т Р И Л И С Т Н И К

**С Т И Х И
З А Р У Б Е Ж Н Ы Х П О Э Т О В
В П Е Р Е В О Д Е**

**Николая
Заболоцкого
Михаила
Исаковского
Константина
Симонова**

М О С К В А 1 9 7 1

СОСТАВИТЕЛЬ И АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ
ВЛАДИМИР ОГНЕВ

РЕДАКТОР ВЫПУСКА
БОРИС ШУПЛЕЦОВ

ТРИЛИСТНИК

Название книги дал тройственный союз имен переводчиков. Союз вынужденный, но в известной мере закономерный. Имена Н. Заболоцкого, М. Исаковского, К. Симонова — известных советских поэтов — в рекомендациях едва ли нуждаются. Каждый в меру возможностей, больше или меньше занимался переводами иноязычных поэтов. В серии «Мастера поэтического перевода» они представлены под одной обложкой не потому, что каждый из них не мог бы претендовать на отдельное издание, а потому, что редакции хотелось несколько «уплотнить» выпуски книг этой серии — впереди еще много имен, хороших и разных.

На долю автора этих строк выпала нелегкая задача — представить трех очень непохожих ни по творческим принципам, ни по переводческому кредо художников. Но, прежде чем говорить о каждом в отдельности, хотелось бы показать и их общность. Читатель, несомненно, обратит внимание на то, что перу как Заболоцкого, так и Исаковского принадлежат переводы сербского эпоса, итальянской и венгерской поэзии. Особенно большое место в книге занимает сербский эпос.

Народное творчество южных славян издавна привлекало внимание русских литераторов и общественных деятелей.

Пристальное внимание к «юнацкой» поэзии начинается с выхода знаменитого песенника Вука Караджича в 1814 году. Славянские звуки легли на благодатную почву — Россия только что отразила нашествие Наполеона, патриотическое сознание победителей оказалось чутким к героическим мотивам. После Пушкина обильный вклад в дело переводов сербской народной поэзии внесли Н. Полевой, И. Берг, П. Киреевский, А. Майков и другие. Так, с начала XIX века начинается научное изучение сербского эпоса, продолжающееся и в наши дни. Особенностью славянского, в частности сербского, эпоса является его ярко выраженный демократический характер. Главным образом это относится к поздним его циклам. Эта-то сторона — демократическая направленность, героический, свободолюбивый пафос — и привлекает сегодня к нему русских советских поэтов.

Другой важной особенностью общности переводческих интересов является реалистический характер творчества переводимых авторов. И Заболоцкого, и Исаковского, и Симонова интересует жизнь, встающая из стихотворных строк, а не сама по себе «магия слова» — всем трим чужда эстетская программа творчества. Историческая конкретность изображенного, насыщенность реалистическими подробностями, ощущение плоти и красок, многомерность мира — эти требования к поэзии, общие трим переводчикам, во многом обозначили как принцип самого отбора явлений иноязычной поэзии, так и характер переводческого метода.

Роднит переводчиков этой книги и стремление приблизить к современному читателю исторически отдаленные от нас образцы. Они отвергают архаизацию и стилизацию. Редьярд Киплинг — у Симонова, герой народной венгерской баллады — у Исаковского, Шиллер — у Заболоцкого говорят нам внятно и доступно. Однако это не значит, что перевод —

модернизация, стремление все и вся осовременить, лишить переводимые стихи той «патины времени», которая интуитивно почти настраивает нас на волну исторически-конкретного восприятия явлений, воссоздавая их как бы в той ассоциативной оболочке, в какой они задуманы были автором... Наверное, угадать далекий образ мыслей, форму их нелегко. Но тут приходит на помощь интуиция (ею прекрасно наделен, например, Исаковский) или углубленное исследование литературного факта. Заболоцкий писал: «Подстрочник подобен развалинам Колизея. Истинный облик постройки может воспроизвести только тот, кто знаком с историей Рима, его бытом, его обычаями, его искусством, развитием его архитектуры. Случайный зритель на это не способен»*.

Знание, а иначе говоря общая культура, мастерство, серьезное отношение к делу перевода, понимание нравственной сущности перевода как дела общественно важного, служащего дружбе народов, преодолевающего разнь, — вот еще одна знаменательная черта советской школы поэтического перевода, которой наделены и переводчики данной книги.

И когда читаем у Исаковского («Палко Чином»):

Мы покажем иноземцам,
Мы докажем им в бою
Силу нашего народа,
Честь солдатскую свою.

Улепetyвает немец,
Даже бросил свой фитиль.
Шляпа — старый гриб червивый —
С головы слетает в пыль, —

то надо знать, что речь идет не о преимуществе венгра пе-

* Журнал «Молодая гвардия», № 3, М., 1956, стр. 197.

ред немцем, а о превосходстве куруца — солдата-освободителя — над оккупантом-угнетателем.

По давней традиции Белинского и Чернышевского, Срезневского, Гильфердинга и Ястребова народное творчество изучалось, так сказать, синтетически. Песня, например, рассматривалась не только как источник эстетический, как образец «прекрасного», но и как источник этических, нравственных сведений, народных обычаев, как пособие для изучения национальной истории в самом широком смысле. И в таком «утилитаризме» не было ничего предосудительного и унижительного для искусства. Сегодня в сербском эпосе, польской и венгерской народной песне советский поэт-переводчик находит опору в поисках героя, его лучших духовных качеств. Ведь так называемый «простой человек» — основной персонаж народного искусства прошлых эпох — в то же самое время является смыслом и содержанием демократического искусства во все времена, то есть и в наше время. Конечно, речь идет о главных, так сказать вечно прекрасных, качествах этого героя. Историческое зеркало вносит свои коррективы в изображение. И переводчик, никогда не свободный от классовых и иных пристрастий, в свою очередь не может не «выпрямлять» лучи, идущие из тьмы холодной вечности. И в свете его теплых лучей снова вырастает привлекательный облик человека из народа — венгерского, польского, сербского и всякого иного — с его нуждой, заботой, надеждами и мечтами о лучшей доле.

Все эти общие принципы индивидуально проявились в творческой практике участников этой книги — переводчиков Заболоцкого, Исаковского, Симонова.

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903—1958 гг.) поистине совершил подвиг — иначе нельзя назвать его вклад

в историю советского поэтического перевода. Большой мастер стиха, поэт-философ, отличный версификатор, которому был подвластен русский стих XIX и XX веков, Заболоцкий оставил нам высокие образцы — тома классической грузинской поэзии, созвучной поэту чувством природы и гармонии, большое здание сербского эпоса, часть которого мы включаем в книгу «Трилистник», переводы немецких, итальянских, венгерских поэтов, касыды и газели восточной поэзии.

Для переводов Заболоцкого, казалось, не существовало трудностей. Он много знал, и не понаслышке, а пытливо, настойчиво изучая языки и культуру, много ездил, читал, думал. Богатое воображение, чувство слова и стиля, несуетность, трудолюбие — все помогало ему в работе переводчика. Многие годы по воле внешних обстоятельств Заболоцкий почти целиком посвящал себя переводу. Мастерство Заболоцкого-переводчика еще будет изучаться подробно. В нем много слагаемых. Здесь я хочу обратить внимание только на некоторые черты его.

Когда-то Е. Эткинд обратил внимание на то, что Заболоцкий в переводе гётевского «Свидания и разлуки» удачно заменил «Der Abend wieste schon die Erde» («Вечер уже баюкал землю») на «Уж вечер плыл, лаская поле», а вместо дуба в одежде из тумана дал «одетый мраком огромный дуб» *. Критик верно отметил в этих заменах печать индивидуальности переводчика — его поразительно живое восприятие природы. Для поэта Заболоцкого чрезвычайно характерно пронзительное, я бы сказал, ощущение «звериности» ночи, это:

Висела ночь у края гор...
Уж тьма, гнездясь по буеракам,

* Е. Эткинд, Поэзия и перевод, М.—Л., 1963, стр. 72—73.

Смотрела сотней черных глаз...

Толпою чудищ ночь глядела...

Заболоцкий, как Тютчев, поэт ночи. Его «ноктюрны» прекрасны и неповторимы. Его природа не только жива — она, если можно так сказать, «животна». Вот почему так зримо и жутко нарисована ночь в поэме Яноша Араня «Толди». А вот бойня — метафора горя, кричащего в душе героя — в поэме Антала Гидаша, написанной на смерть родителей, замученных фашистами:

И, плача, я хватаю за рога
Мои бодающиеся воспоминанья,
Я волоку на бойню их, пока
Не разорвалось сердце от страданья.

И за ударом падает удар,
И предо мною, вскакивая с ревом,
Они хрипят в беспомысленстве, и пар
Их застигает облаком багровым.

.

И буря поднимается во мне,
И от рыданий вздрагивают веки,
И плачу я, истерзанный вдвойне,
Навеки окровавленный, навеки...

В «Толди» многие места заставляют вспоминать раннего Заболоцкого — стих грузноват, веществен, чуть ироничен. Интонационно, совмещением эпически серьезного слога с неуклюже-пародийным описанием, поэма о Толди напоминает далеким отзвуком «Столбцы», а песнь первая не перекликается ли с «Отдыхающими крестьянами»?

Горит на солнце тощая отара.
Куда ни глянь, налево и направо,
Кузнечики среди сухих стеблей
Пасутся, истомленные, на ней.
Работники в тени большого стога
Храпят, как будто дел у них немного.

(Сравни: «Тогда крестьяне, созерцая природы стройные холмы, сидят, задумчиво мерцая глазами страшной старины. Иной жуков наловит в шапку, глядит, внимателен и тих, какие есть у тварей лапки...» — и т. д.) Что поэт накладывает мету своей индивидуальности на перевод — известно. Интересно, как в мировой поэзии корреспондируют сходные явления, как перекликаются эпохи, языки, настроения и мотивы. Арань и Заболоцкий. Их сблизило родство интонации, внешне шутовское, а на самом деле печальное. Жестокость и равнодушие — сродни слепому закону природы. Стиль выявил сходство, едва намеченное, подчеркнул ноту несоответствия эпоса — слогу, возможностей угнетенного народа — его титаническим задаткам.

Н. Заболоцкий, я уже касался этого, — поэт современного мышления, поэт XX века. Это сказывается во всем: и в аналитичности образа, в стройной системе поэтических доказательств, в тонком умении подчеркнуть нынешнее наше отношение к мифу, легенде, романтическому факту. Вот пример. В «Ивиковых журавлях» Шиллера Заболоцкий верен прекрасному пушкинскому стиху — легкому, звучному и изящному. Вот древний амфитеатр:

...Перед началом представленья
Скамья к скамье, над рядом ряд
В театре эллины сидят.

Глухошумящие, как волны,
От гула множества людей,
Вплоть до небес, движенья полны,
Изгибы тянутся скамей.

Кто здесь сочтет мужей Фокиды,
Прибрежных жителей Авлиды,
Гостей из Спарты и Афин?

Картина живая, слитная, впечатляющая. Вполне в духе Шиллера. В нее вторгается иная нота — дуновение иного, потустороннего мира...

Вот перед ними тесным кругом
Из подземелья друг за другом,
Чтоб древний выполнить обряд,
Выходит теней длинный ряд.
Земные жены так не ходят,
Не здесь родные их края,
Их очертания уводят
За грань земного бытия.

Мы вместе с читателями Шиллера готовы почувствовать уже холодок по спине. Но...

Их руки тощие трепещут,
Мрачно-багровым жаром плещут
Их факелы, и бледен вид
Их обескровленных ланит.
И, привиденьям безобидны,
Вокруг чела их, средь кудрей
Клубятся змеи и ехидны
В свирепой алчности своей.

О, эти «тощие» руки! Не «тонкие», «гибкие» и прочее, как должен был сказать правоверный романтик. И лукавое: «безобидны» «привиденьям» змеи и ехидны — это же почти насмешка... Нет, ни пиетета, ни тем более страха мы не испытываем перед потусторонним! Заболоцкий едва осязаемым толчком опрокидывает и четко прорисованное описание амфитеатра (см. выше):

Трещат подпорами строенья,
Перед началом представленья...

Этот треск подпор никак не предусмотрен романтическим каноном. Поэтический мир Заболоцкого отчетлив, реалистически логичен, завершен в объемах и формах. Даже темное, страшное, непонятное у него имеет форму, рисунок и вес. Марш греческого хора переводчик дает как мистерию, но «разоблачает» ее. Жуковский и Брюсов, напротив, стремились к точности описания трагического хора, «очертания» жен имели количественную величину — Брюсов подчеркивал рост, увеличенный котурнами. Жуковский, веря в чудесное, тем не менее раскрывал секрет таинства подобными уточнениями. И результат был обратным! Перевод Заболоцкого возвращает нам живое *впечатление эллинов* и одновременно *комментирует* его. И в этом современность его работы, новые черты «точности» перевода.

В переводной практике Михаила Васильевича Исаковского (род. в 1900 г.) было два этапа. Как он сам говорит, все началось со взаимного перевода белорусов и смолян в 1935 году. Исаковский пробует переложить русским стихом Купалу, Коласа, молодого тогда Бровку. Близость языков породила иллюзии — казалось, можно почти переписать текст. Так Исаковский вступил на стезю буквалистского

перевода. Но чутье художника подсказывало ему, что магия простых слов, из которых высекается искра поэзии на чужом языке, исчезает. С этим требовательный поэт примириться не может. Началом нового этапа считает Исаковский перевод поэмы Шевченко «Катерина» в 1938 году. Большую помощь оказал ему К. И. Чуковский, редактор детгизовского издания украинского классика. С этого времени переводческая и «своя» работа как бы сливаются воедино. Принципиально это оказывалось одно и то же. Эстетика М. Исаковского, восходящая к народно-песенному творчеству, с ее увлечением к скромной простоте слова, к существенности и общезначимости чувств и мыслей, как нельзя лучше пришлась для передачи народной песни. Сербский эпос напомнил русские былины. Здесь поэт охотнее избирает лирические песни в форме краткого эпизода из жизни героя. Ведь у южных славян в отличие от нашего героического эпоса отчетливее выражены лирические элементы. Тонко, с подтекстом переведены М. Исаковским «Девушка-беглянка», «Куна Хасан-ага», «Золотых дел мастер Иво и тонкопяха Ана». Другие песни переведены так же филигранно, с сохранением той неповторимой прелести народного искусства, где наивность древних поверий сплавлена с отзвуками подлинных исторических событий. Эти произведения, по удачному выражению В. Я. Брюсова, «обточены океаном народной души» *. В подлиннике они звучат торжественно, неторопливо. Это десятисложник с цезурой после четвертого слога. Исаковский переводит песни или нашим традиционным былинным стихом, или стихом, приближенным к русским историческим песням.

Поистине шедеврами можно назвать переводы М. Иса-

* В. Брюсов, *Далекie и близкие*, М., 1912, стр. 93.

ковского венгерских народных песен. Трагические баллады — «Жена каменщика Келемена», «Жена Иштвана Гергё», поэтичнейшая история любви («Ката Кадар»), повесть о лихом конокраде Банди Андьяле, горькая песня о бедности и солдатчине, о сиротстве, лукавые и веселые песни о гордой бедности и строптивой жене, человечнейшие, тактичнейшие и тонкие стихи — «Молодица», «Мать моя, иди домой...». В песнях Исаковский достигает изумительного мастерства речевой характеристики.

Не сдержал ты слова,
Не простился даже:
Обманул, покинул —
Бог тебя накажет.

Бог тебя накажет
Барыней женою,
Кучей ребятишек,
Покупной едою.

Сколько здесь чисто крестьянской логики: барыня жена — лентяйка, а пойдут дети, придется бросить землю, которая кормит, есть «покупную», немилую еду... А за текстом — еще и намек: видно, неверный погнался за богатством... Слабая самозащита брошенной оборачивается жалостью к ней, бог-то, по всей видимости, не его, а ее наказал...

Психология труженика до самых глубоких душевных движений понятна переводчику. Иво, герой эпоса, жалуется шуруну: убежала девушка, пока он спал. Шурин отвечает:

«Кто же спит, коль дорогая рядом, —
Спят тогда лишь, когда сено косят».

И реальная жатва встает, когда утомленный любовью герой в тумане сна, машинально взмахивает косою... Диалог обрван на фразе, недоговорен. Но за ним — истинный идеал мужчины, целомудренно поданная мораль трудового человека, которому не по карману выбор между любовью и заботой о хлебе насущном! Спать можешь и на ходу...

Демократизм, уважение к душе человека, к его чувствам, свободолюбие и гордость подчеркивает Исаковский и в произведениях И. Йовановича-Змая, Шандора Петефи, итальянских поэтов современности.

Константин Михайлович Симонов (род. в 1915 г.) принципиально пишет: «вольные переводы». В этой его позиции нет страховки. Во всяком случае, поэт не хочет связывать себя задачей адекватной передачи образов иноязычного автора. Его переводы — отзыв, а не слепок. Чаще всего художника-публициста, всей сердцевиной творчества соединенного с текущим днем, волнует мысль, созвучная ему, Симонову, или времени, которому он служит. Незвал, Хикмет интересны ему теми сторонами своего стиха, которыми и сам Симонов-поэт может участвовать в жизнестроительстве. Героика долга — вот чем занята муза Симонова. И героика не самозабвенного порыва, а трезвого понимания, расчета воли. Когда у Незвала в стихотворении «Прощай!» («С богом и платочек») речь идет о разлуке, то Симонов рвет с корнем: «С богом! Ну что ж! В самом деле? Ну да, в самом деле. Мы не лжем, как врачи, у постели смертельно больного, разве мы бы прощались, если б встретиться снова хотели? Ну, и с богом! Прощай! И больше об этом ни слова!» В другом переводе этого стихотворения (Е. Винокурова) есть сомнение, жалость, сожаление, слабая надежда. Симонов не оставляет лазеек для слабости. Он даже выбра-

сывает предпоследнюю строфу, мешающую его концепции. На то и «вольный» перевод!

К. Симонову хорошо удается свободный стих Хикмета, его прозаизированная интонация. Его мужественная суровость и доброта. Его гражданские горизонты. Но, пожалуй, нигде так не близок Симонов к истине, как в переводах Редьярда Киплинга. Мы знали отдельные переводы этого крупного английского поэта, принадлежащие перу С. Маршак, А. Оношкович-Яцыны, Е. Полонской. «Эпитафии» Киплинга полны жесткой иронии, зла и прямоты. Симонову удалась форма — бравадно-разговорная и вместе с тем обобщенная, афористичная. Мастерски переведена «Баллада о надежде» В. Незвала.

Итак, перед нами три поэта-переводчика зарубежной поэзии.

Когда-то А. Твардовский писал: «Обозначение «перевод» в отношении поэзии чаще всего в той или иной мере отталивает читателя: оно позволяет предполагать, что имеешь дело с некоей условной копией поэтического произведения, именно «переводом», за пределами которого находится недоступная тебе в данном случае подлинная прелесть оригинала» *. Переводы Н. Заболоцкого, М. Исаковского, «вольные» переложения К. Симонова такого впечатления не производят. В лучших образцах мы встречаемся с прекрасными русскими стихами, расширяющими мир поэзии, наше познание жизни.

Изобразительная сила, пластичность рисунка, чеканная форма, торжественность русской речи — эти, так сказать,

* А. Твардовский, Статьи и заметки о литературе, М., 1963, стр. 84.

родовые черты стиля Н. Заболоцкого сделали достоянием нашей поэтической культуры многие высокие образцы иноязычной поэзии. О мастерстве М. Исаковского хочется сказать словами А. Твардовского о Бернсе: «Особенностью поэтической формы... является как раз его крайняя немногословность в духе народной песни, где одни и те же слова любят, повторяясь, выступать в новых и новых мелодических оттенках и где это повторение есть способ повествования, развития темы, способ живописания...» * Музыкальное чутье Исаковского и его знание души человеческой достигают гармонии. Переводчик постигает душевный такт и благородство человека из народа. Особенности К. Симонова — прямота и твердость выражения, гражданственность позиции, реалистичность взгляда на жизнь — проявились в отчетливом рисунке, любви к конкретным подробностям и деталям.

Все три поэта, как три ярких листа на одном стебле древа русской советской поэзии, запечатлели краски жизни, нас окружавшей и продолжающей окружать, свет общего земного солнца, силу корней реалистического искусства.

Владимир ОГНЕВ

* А. Твардовский, Статьи и заметки о литературе, М., 1963, стр. 92.

БЫЛ У МЕНЯ ОГРОМНЫЙ МИР...

**Стихи зарубежных поэтов
в переводе
Николая Заболоцкого**

ИЗ ЮГОСЛАВСКОЙ ПОЭЗИИ

Сербский эпос

МАРКО ОТМЕНЯЕТ СВАДЕБНУЮ ПОШЛИНУ

Рано утром в путь собрался Марко,
Рано утром к Косову поехал.
Лишь подъехал он к реке Серване,
Повстречал он Косовку-девицу.
Пожелал ей счастья Королевич:
«Бог на помощь, Косовка-девица!»
До земли девица поклонилась:
«Будь здоров, юнак мой незнакомый!»
Стал юнак беседовать с девицей:
«Дорогая Косовка-девица!
Молода ты с виду и пригожа,
И стройна, и личиком румяна,
Лишь коса одна тебя не красит,
Оттого что рано поседела.
Расскажи мне, Косовка-девица,
Ты сама ли счастье потеряла,
Ты сама иль старый твой родитель,
Твой отец иль матушка родная?»
Зарыдала Косовка-девица
И в ответ промолвила юнаку:
«Брат мой милый, витязь незнакомый!
Не сама я счастье потеряла,
Не сама, не старый мой родитель,

Не отец, не матушка родная.
Но недаром счастья я лишилась:
Девять лет, как мы в беде великой,
Злой Арап пришел к нам из-за моря,
Откупил он Косово у турок,
Наложил на жителей поборы,
Чтоб его кормили да поили.
А еще берет Арап на свадьбах
За невест по тридцати дукатов,
С женихов — по тридцать и четыре.
Коль юнак богатого семейства,
Значит, может тот юнак жениться,
А невеста может выйти замуж.
У меня же братья небогаты,
Откупиться нечем от Арапа,
Оттого и в девках я осталась,
Оттого и счастья я лишилась.
Может, я не очень бы тужила,
Что нельзя девице выйти замуж,
А юнаку бедному жениться,
Но беда случилась и побольше,
Повелел проклятый тот насильник
Приводить девиц к нему на ложе:
Незамужних сам Арап целует,
А замужних слуги обнимают.
Наложил на Косово он подать,
Чтоб девиц давали по порядку,
Нынче вышла очередь за мною
Отправляться вечером к Арапу,
Миловаться с черным до рассвета.
Вот теперь и думаю я, братец:
Боже милый! Что теперь мне делать?

Или в воду броситься, несчастной,
Или мне повеситься от горя?
Лучше, брат, покончить мне с собою,
Чем ласкать душителя отчизны!»
Говорит ей Королевич Марко:
«Дорогая Косовка-девица!
Не шути ты, в воду не бросайся,
Не губи себя своей рукою,
Не бери, сестра, греха на душу!
Ты скажи мне, где дворы Арапа,
Где его Арапово подворье?
Надо мне с Арапом столкнуться».
Отвечает девушка юнаку:
«Милый брат мой, витязь незнакомый!
Что тебе в Араповом подворье?
Пропади он пропадом, проклятый!
Может, ты нашел себе невесту
И несешь за девушку дукаты?
Может быть, у матушки один ты?
Берегись! Арап тебя загубит!
Как тогда прокормится старушка?»
Вынул Марко тридцать ей дукатов,
Показал их Косовке-девице:
«Вот тебе, сестра моя, дукаты,
Уходи домой к себе скорее;
Жди, куда счастье не вернется.
Но скажи мне, Косовка-девица,
Где дворы проклятого Арапа,
Я снесу ему твои дукаты.
Тот Арап губить меня не будет,
У меня достаточно богатства,
Заплатить за Косово мне хватит,

За тебя ж тем более достанет».
Говорила Косовка-девица:
«Не дворы у нашего Арапа,
Но шатры поставлены простые.
Посмотри на Косово отсюда,
Видишь, вьется шелковое знамя?
Там шатер проклятого Арапа,
А вокруг шатра и тын зеленый
Головами мертвыми украшен.
За неделю тот Арап проклятый
Семьдесят и семь убил косовцев,
У Арапа сорок слуг на страже,
Сторожат Арапово подворье».
Лишь услышал Марко эти речи,
Поскакал по Косову он низом,
Распалил юнак лихого Шарца:
Из-под ног живой огонь сверкает,
Синий пламень из ноздрей струится.
Марко злится, по Косову мчится,
Льются слезы по лицу юнака:
«Косово, ой ровное ты поле!
До чего мы дожили с тобою!
Уж теперь не князь наш благородный —
Злой Арап тобою управляет!
Не снесу я этого позора,
Не стерплю великой той печали,
Чтоб чинил Арап свои обиды,
Целовал и девушек и женщин.
Я отмщу за вас сегодня, братья,
Отмщу за вас или погибну!»
Стал юнак к арапам приближаться,
Увидали стражи незнакомца,

Побежали к черному Арапу.
«Господин Арап ты наш заморский!
Дивный витязь скачет по Косову,
Распалил коня он удалого,
Из-под ног живой огонь сверкает,
Синий пламень из ноздрей струится,
Знать, юнак на нас ударить хочет».
Молвил страже черный тот Арапин:
«Что вы, дети, сорок верных стражей!
Не посмеет он на нас ударить,
Он, как видно, думает жениться
И везет нам свадебную подать.
Жаль юнаку своего богатства,
Оттого и злится он, наверно.
Выходите вы во двор зеленый,
Как пристало, витязя встречайте.
Поклонитесь вы ему смиренно,
Доброго коня его примите,
И коня примите, и оружие,
И в шатер пустите незнакомца,
Не богатство — голову возьму я
И коня добуду у юнака».
Побежали слуги от Арапа,
Чтоб принять коня у незнакомца,
Но, когда подъехал Королевич,
Не посмели слуги подступиться,
Кинулись в шатер они обратно,
Прячутся за черного Арапа,
Прячут сабли острые в подолах,
Чтобы Марко сабель не увидел.
На подворье въехал Королевич,
Соскочил он с Шарца боевого,

Наказал коню лихому Шарцу:
«Ты гуляй, мой Шарац, по подворью,
Жди, пока я буду у Арапа,
От шатра не отходи далеко,
Помоги, коль туго мне придется».
Тут вошел к Арапу Королевич —
Пьет вино холодное Арапин,
Служит за столом ему девица,
Подает вино ему молодка.
Поклонился Королевич Марко:
«Бог на помощь, господин Арапин!»
Хорошо Арап ему ответил:
«Будь здоров, юнак мой незнакомый!
Подойди, вина со мною выпей,
Расскажи, зачем ко мне явился».
Отвечает Королевич Марко:
«Недосуг мне бражничать с тобою!
С добрым делом я к тебе явился,
С добрым делом, лучше быть не надо.
Я посватал красную девицу,
Да оставил сватов на дороге,
Сам явился с пошлиной за свадьбу,
Чтобы с той девицей обвенчаться,
Чтобы в том мне не было помехи.
Сколько денег ты берешь за свадьбу?»
Хорошо Арап ответил Марко:
«Сколько денег — это всем известно:
За невест по тридцати дукатов,
С женихов по тридцать и четыре.
Ты, как видно, молодец не промах,
Потому с тебя не меньше сотни».
Тут пошарил Марко по карманам,

Три дуката бросил лиходею:
«Верь, Арап, что нету больше денег,
Подожди, пока вернусь с девицей,
Славный дар мне родичи готовят,
Все тебе отдам, не пожалею,
Дар — тебе, а мне — моя невеста».
Лютым змеем взвизгнул тот Арапин:
«Что ж я, курва, в долг тебе поверю?
Сам не платишь, да еще смеешься!»
Тут взмахнул он тяжким шестопером
И ударил доброго юнака,
И не раз, а три-четыре раза.
Засмеялся Королевпч Марко:
«Ой, юнак! Ой, черный ты Арапин!
Шутишь ты иль бьешь меня без шуток?»
Лютым змеем взвизгнул тот Арапин:
«Не шучу я, бью тебя без шуток!»
И тогда промолвил Королевич:
«Я-то думал, ты, несчастный, шутишь!
Ну, а если вправду ты дерешься,
То и я владею шестопером,
Чтобы стукнуть три-четыре раза.
Сколько раз ты здесь меня ударил,
Столько раз и я тебя ударю,
А потом пойдем с тобою в поле,
Снова выйдем там на поединок».
Тут взмахнул он тяжким шестопером
И ударил черного Арапа.
Полегоньку он его ударил,
Только выбил голову из шеи.
Засмеялся Королевич Марко:
«Боже милый, честь тебе и слава!

Как башка-то скоро отскочила,
Будто на плечах и не сидела!»
Вынул Марко кованую саблю,
Начал сечь Араповых он стражей,
Порубил он сорок лиходеев,
С четырьмя решил не расправляться,
Чтоб они рассказывали людям,
Что случилось с Марко у Арапа.
Тут собрал он головы косовцев
И честному предал погребенью,
Чтоб орлы их больше не клевали,
И украсил тын опустошенный
Головами черных тех злодеев,
И казну забрал их без остатка.
Четырех же стражей неубитых
Он на Косово отправил поле,
Чтоб они по Косову ходили
И всему народу объявляли:
«У кого есть девушка-невеста,
Пусть выходит замуж, молодая!
Если хочет где юнак жениться,
Пусть без страха выбирает любу!
Больше нету пошрины на свадьбу,
Расплатился Королевич Марко!»
Тут и старый закричал и малый:
«Дай бог здравья славному юнаку!
Он наш край от бедствия избавил,
Истребил насильника Арапа,
Пусть господь душе его и телу
Ниспошлет свое благословенье!»

СМЕРТЬ КОРОЛЕВИЧА МАРКО

В воскресенье Королевич Марко
Рано утром ехал возле моря,
Путь держал он на гору Урвину.
Только он взобрался па Урвину,
Начал конь под Марко спотыкаться,
Обливаться горькими слезами.
Огорчился Королевич Марко
И промолвил Шарцу он с упреком:
«Что ж ты, Шарац, верный мой товарищ!
Сотню лет служил ты мне исправно,
Шестьдесят мне верным был слугою
И ни разу ты не спотыкался,
Лишь сегодня начал спотыкаться,
Обливаться горькими слезами.
Что случится — то известно богу,
Только, знать, хорошего не будет,
Может, я, а может, ты сегодня
Навсегда простимся с головою».
Лишь промолвил Марко это слово,
Кличет вила горная с Урвины,
Призывает доброго юнака:
«Побратим мой, Королевич Марко!
Знаешь ли, о чем твой Шарац тужит?
Он тебя, хозяина, жалеет,
Потому что скоро вам разлука!»
Отвечает виле Королевич:
«Чтоб ты, вила белая, пропала!
Как могу я с Шарцем разлучиться,
Если мы объехали всю землю,
Целый мир с восхода до заката!

Лучше Шарца нет коня на свете,
Лучше Марка нет юнака в мире.
До тех пор я с Шарцем не расстанусь,
Головы пока не потеряю!»
Кличет вила белая юнаку:
«Побратим мой, Королевич Марко!
Шарац твой врагу не попадетсЯ,
Да и сам погибнуть ты не можешь
От юнака или острой сабли,
От копыа иль палицы тяжелой:
На земле никто тебе не страшен.
Но умрешь ты, Марко-горемыка,
Сам собой, по божьему веленью,
И за кровь ответишь перед богом.
Если ты словам моим не веришь,
Подымись на горную вершину,
Посмотри с вершины той налево
И увидишь две зеленых ели.
Поднялись те ели над горою,
Всю ее листвою осенили,
А внизу под елями — колодец.
Слезь ты, Марко, у того колодца,
Привяжи коня к зеленой ели,
Наклонись над светлую водою,
Чтоб в воде лицо свое увидеть,
Как увидишь — так и жизнь покончишь».
И послушал вилу Королевич,
Въехал он на горную вершину,
Посмотрел с вершины той налево
И увидел две зеленых ели.
Поднялись те ели над горою,
Всю ее листвою осенили,

А внизу под елями — колодец.
Спрыгнул у колодца Королевич,
Привязал коня к зеленой ели,
Над водою светлой наклонился
И в воде лицо свое увидел.
Только он лицо свое увидел,
Как почуял — смерть его подходит,
И сказал он, слезы проливая:
«Мир обманный, цвет благоуханный!
Был ты сладок, только жил я мало,
Жил я мало, триста лет, не боле,
Срок пришел, пора мне в жизнь иную».
Выхватил тут саблю Королевич,
Выхватил он острую из ножен,
Подошел он к Шарцу со слезами,
И отсек он голову бедняге,
Чтобы Шарац туркам не достался,
Чтобы враг над Шарцем не глумился,
Не возил ни сор на нем, ни воду.
Распростился с Шарцем Королевич,
Схоронил старательней, чем брата,
Удалого витязя Андрея.
И сломал тут острую он саблю
И четыре раскидал обломка,
Чтобы сабля туркам не досталась,
Чтобы турки саблей не хвалились,
Что достали саблю у юнака,
Чтоб не кляли Марка христиане.
И копьё сломал он боевое
И обломки кинул в ельник частый,
Взял он шестопер рукою правой
И метнул его с горы Урвины,

В море синее его забросил,
И промолвил Марко шестоперу:
«Лишь когда ты выплывешь на сушу,
Новый Марко на земле родится».
Только он с оружием покончил,
Вынул он чернильницу с бумагой,
Написал такое завещанье:
«Кто поедет по горе Урвине
Мимо этих елей у колодца
И увидит Марко на дороге,
Пусть он знает, что скончался Марко,
Что на нем три пояса дукатов,
Первый пояс Марко завещает
Тем, кто Марко выроет могилу,
А другой — на украшение храмов,
Третий пояс — нищим и незрячим,
Пусть святые по свету блуждают,
Пусть поют и вспоминают Марко».
Кончил завещанье Королевич,
Высоко наткнул его на елку,
Чтоб с дороги можно было видеть,
И швырнул чернильницу в колодец,
Скинул он зеленую доламу,
Разостлал под елью у колодца,
Осенил крестом себя широким,
И прикрыл глаза собольей шапкой,
И затих, и больше не поднялся.
Так лежал юнак усопший Марко
День за днем, пока прошла неделя.
Кто проедет мимо по дороге
И заметит Марко у колодца,
Всякий мыслит: Марко отдыхает,

И объедет Марко стороною,
Чтобы сон юнака не тревожить.
Там, где счастье, тут же и несчастье,
Где несчастье, тут и счастье рядом.
Занесло то счастье на Урвину
Святогорца проигумна Васо,
Он из белой церкви Вилиндара
Проезжал тут с дьяконом Исайей.
Лишь увидел Марко проигумен,
Стал махать на дьякона руками.
«Тише, сын мой, не буди юнака,
Он со сна бывает очень грозен,
Как бы грех какой не приключился!»
Тут письмо заметил он на елке,
Прочитал, что умер витязь Марко,
Слез с коня, рукой его потрогал,
А юнак давно уже скончался.
Пролил слезы проигумен Васо,
Стало жаль святителю юнака.
Снял с него три пояса с деньгами,
С Марко снял, себе их препоясал,
Начал думать проигумен Васо,
Где предать юнака погребенью.
Долго думал, наконец придумал,
Положил он мертвого на лошадь
И повез его на берег моря.
Мертвого взял Марко на галеру
И доставил на Святую Гору
Ко святому храму Вилиндару,
Внес юнака в божью ту обитель,
Совершил над мертвым отпеванье,
Схоронил юнака святогорец

Посредине храма Вилиндара,
Не поставил надпись над могилой,
Чтоб враги не знали о могиле,
Чтоб не мстили мертвому злодеи.

ЖЕНИТЬБА ДЖЮРЫ СМЕДЕРЕВЦА

Как задумал Смедеревец Джюра
На красивой девушке жениться,
Снарядился в славный оп Дубровник,
К королю поехал Михаилу
Да к его ли дочери Ерине.
Стал Ерину Смедеревец сватать,
Отвечал король ему согласьем.
Лишь засватал тот юнак Ерину,
Раздарил он три мешка сокровищ,
На подарки теще и семейству
Он потратил тысячу дукатов.
Но когда завел он речь о свадьбе,
Лишь одно сказал ему родитель:
«Ты послушай, Смедеревец Джюра!
Как вернешься в Смедерево к дому
И начнешь на свадьбу кликать сватов,
Не зови ты сербов-грубиянов:
Ваши сербы — горькие пьянчуги,
Как напьются — ссору затевают,
Вслед за ссорой начинают драку.
Ты их, сербов, ввек не успокоишь,
Где им, сербам, привезти невесту!
Ты болгар зови к себе и греков,
Собирай их столько, сколько надо,

Пусть они и едут за Ериной!»
Вот собрался Смедеревец Джюра
И поехал в Смедерево к дому,
Тут настигло Джюру по дороге
Письмецо от девушки Ерины:
«Ты послушай, Смедеревец Джюра!
Как вернешься в Смедерево к дому,
Как начнешь на свадьбу кликать сватов,
Ты отцовских выдумок не слушай,
Не зови болгар к себе и греков —
Голову ты с ними потеряешь,
А не только милую невесту.
Только сербов приглашай ты в сваты:
В кумовья — Дебелича Новака,
В куманьки — Новаковича Грую,
Сватом будет Янко Сибинянин,
Милым братом — Королевич Марко
С молодым Крилатицею Релей.
Милоша ты сделай воеводой,
Знаменщиком — Топлицу Милана,
Дружкою — Косанчича Ивана,
Остальных — кого и кем угодно.
Собирай их, Джюра, десять сотен,
Посылай за мной, когда захочешь!»
Прочитал письмо юнак Ерины,
И смутилось сердце поневоле,
И в раздумье он домой поехал.
Увидала мать его, старуха,
Со двора навстречу поспешила,
Дорогого сына обнимает,
Сын ей руки белые целует.
Вот взялись они за белые руки,

Поднялися в белые палаты,
За столы накрытые уселись.
Спрашивает матушка юнака:
«Сын мой милый, Смедеревец Джюра!
Хорошо ль поездил ты по свету?
Отыскал ли ты себе невесту,
Мне сноху нашел ли молодую?»
Отвечал ей Смедеревец Джюра:
«Слава богу, матушка родная,
Хорошо поездил я по свету,
Отыскал я там себе невесту,
Отыскал сноху тебе под старость.
За невестой ездил я в Дубровник,
К королю я ездил Михаилу,
Взял в невесты дочь его Ерину.
Только получил я ту Ерину,
Раздарил я три мешка сокровищ,
На подарки теще и семейству
Отдал, мать, я тысячу дукатов,
Но когда я речь завел о свадьбе,
Лишь одно промолвил мне родитель:
«Как начнешь ты, Джюра, кликать сватов,
Не зови ты сербов-грубиянов,
Ваши сербы — горькие пьянчуги,
Как напьются — ссору затевают,
Вслед за ссорой начинают драку.
Ты их, сербов, ввек не успокоишь,
Где им, сербам, привезти невесту!
Ты болгар зови к себе и греков,
Собирай их столько, сколько надо,
Пусть они и едут за Ериной!»
С тем я, мать, и выехал в дорогу.

Но меня настигло по дороге
Письмецо от девушки Ерины:
«Ты послушай, Смедеревец Джюра!
Как вернешься в Смедерево к дому,
Как начнешь на свадьбу кликать сватов,
Ты отцовских выдумок не слушай,
Не зови болгар к себе и греков,
Голову ты с ними потеряешь,
А не только милую невесту.
Только сербов приглашай ты в сваты:
В кумовья — Дебелича Новака,
В куманьки — Новаковича Грую.
Сватом будет Янко Сибинянин,
Милым братом — Королевич Марко
С молодым Крилатицею Релей.
Милоша ты сделай воеводой,
Знаменщиком — Топлицу Милана,
Дружкою — Косанчича Ивана,
Остальных — кого и кем угодно.
Собирай их, Джюра, десять сотен,
Посылай за мной, когда захочешь!»
Дай совет мне, матушка родная,
Короля мне надобно послушать
Иль мою красавицу Ерину?»
Отвечает мать ему, старуха:
«Ты послушай, Смедеревец Джюра!
С давних пор обманщики — латинцы,
И тебя, сынок, они обманут!
Ты не слушай тестя Михаила,
Ты послушай девушку Ерину,
Только сербов приглашай ты в сваты:
Если что недоброе случится,

Все они окажутся с тобою».
Согласился Смедеревец Джюра,
Сел писать он письма на колене,
Рассылать во все четыре края.
Пролетело времени немного,
Глядь — Новак явился престарелый,
А с Новаком — чадушко Груица.
Пролетело времени немного —
Вот тебе и Янко Сибинянин,
Сотню сватов он привел с собою.
Лишь вошел он в белые палаты,
На поляне Марко показался,
А за Марко — Реля из Назара,
Вслед за Релей — Милош-воевода.
А когда приспел Милан Топлица
И привел Косанчича Ивана,
Все явились сербы-воеводы,
Вместе с ними — десять сотен сватов!
Ласково их Смедеревец встретил,
Говорил он им такие речи:
«Братья сербы, десять сотен сватов!
Не поеду нынче я в Дубровник,
Но pošлю я Марко-побратима,
Слушайтесь его вы по дороге,
Подчиняйтесь старому Новаку!»
Поднялись все десять сотен сватов
И спокойно двинулись в Дубровник.
Говорит им Королевич Марко:
«Братья сербы, десять сотен сватов!
Перед нами первые ворота,
А тогда лишь мы приедем к башне,
Как минувем семьдесят седьмые.

Возле башни, братья дорогие,
Ради нас столы уже накрыты,
И вино и ракия стоят там,
И другие ждут нас угощенья.
Встретят нас там слуги и служанки,
Чтоб принять коней у нас, оружие,
Вы коней отдайте им без спора,
А оружие им не отдавайте.
За столы вы с саблями садитесь,
Осторожно пейте и пируйте,
А коль спросит вас о чем владыка,
Вы молчите, я за вас отвечу».
Только к башне сваты прискакали,
За конями подбежали слуги,
За оружием — девушки-служанки.
Всех коней им отдали юнаки,
Но оружие дать не захотели,
За столы с оружием уселись,
Стали пить вино и веселиться.
Вот король дубровницкий выходит,
Говорит он старому Новаку:
«Милый кум, Новак мой престарелый!
Ведь и раньше сваты приезжали,
А за стол с оружием не садились!»
Но молчит Новак, не отвечает;
Отвечает Королевич Марко:
«Старый друг, дубровницкий владыка!
Уж такой у сербов есть обычай:
За столы с оружием садиться
И в постели с ним не расставаться».
С тем король и в башню возвратился.
Темной ночью сваты отдохнули,

А когда наутро посветлело,
Со стены окликнул их латинец:
«Слушай, кум, Новак Дебелич старый!
Ждут тебя на башне два латинца,
На геройский кличут поединок.
Нужно выйти к ним на поединок,
Чтоб добиться девушки Ерины!»
Лишь Новак услышал это слово,
Он взглянул на чадушку Груицу,
Ничего не вымолвил Груица,
Но вскочил на легкие он ноги.
Входит в башню чадушко Груица,
А к нему два витязя навстречу,
Подняли они две острых сабли,
На Груицу разом налетели.
Тут свалился на землю Груица,
Но взмахнул мечом своим блестящим:
Было двое витязей на башне,
А на землю четверо упало.
Побежал Груица с белой башни,
Тут ему и бросила Ерина
Золотое яблоко в окошко.
Кличет Грую девушка Ерина:
«Подожди ты, чадушко Груица!
Яблоко возьми ты золотое,
Если что недоброе случится,
Будешь знать, где девушка Ерина!»
Возвратился Груя к воеводам,
Отдал вражьи головы Новаку.
Только он уселся за трапезу,
Снова кличет со стены латинец:
«Слушай, кум, Новак Дебелич старый!

Вон внизу, под нашей белой башней,
Три коня пасутся боевые,
Три копы торчат у конских седел,
Смотрят копы в небо остриями.
Надо эти копы перепрыгнуть,
Чтоб добиться девушки Ерины!»
Лишь Новак услышал эти речи,
Посмотрел он искоса на Марко,
Тот на Янко глянул исподлобья,
Янко тотчас поглядел на Релю,
Тот на ноги легкие поднялся,
Подбежал он к этой белой башне,
Трех коней с разбегу перепрыгнул.
Три копы перескочил с разбегу.
Было тут двенадцать супостатов,
Порубил их Реля острой саблей,
Захватил коней он в этой битве
И привел их к старому Новаку.
Лишь уселся Реля за трапезу,
Снова кличет со стены латинец:
«Эй ты, кум, Новак Дебелич старый!
Сбей стрелою яблочко на башне!»
Поглядел на Милоша Дебелич,
И на ноги легкие встал Милош,
Золотой прицелился стрелою,
Сбил стрелою яблочко на башне
И принес то яблочко Новаку.
Обозлился Королевич Марко,
Говорит он старому Новаку:
«Знал бы я, где заперта Ерина,
Так не стал бы с ними и возиться!»
Отвечает чадушка Груица:

«Ты возьми меня с собою, Марко,
Знаю я, где заперта Ерина».
И вдвоем взошли они на башню,
Отыскали девушку Ерину,
Отвели Ерину к воеводам.
Снова кличет со стены латинец:
«Слушай, кум, Новак Дебелич старый!
Заперли мы первые ворота,
Заложили семьдесят седьмые!»
Говорит тут Королевич Марко:
«Дай мне, Груя, Шарца боевого,
Без ключа откроет он ворота!»
Вывел Груя Шарца боевого,
И, едва в седло уселся Марко,
Выхватил он шестопер свой тяжкий,
Осерчал тут Королевич Марко,
Стукнул по воротам шестопером —
Все ворота настезь перед Марко!
Устояли первые ворота,
Устояли, чтоб им пусто было!
Как ударит шестопером Марко,
Закачалась каменная башня,
Полетели на землю камня.
Там король дубровницкий скрывался,
Закричал из башни он юнаку:
«Сжался, сжался, Королевич Марко!»
И принес ключи он городские,
И открыл ворота белой башни.
Встал в воротах Королевич Марко,
Сосчитал он десять сотен сватов,
Все стоят целы и невредимы.
И сказал тут Королевич Марко:

«Подойди ко мне, король-владыка,
Подойди дарами обменяться.
Обменяться и простить друг друга,
Если кто в обиде на другого!»
Подошел к нему король-владыка,
Ждет даров, что Марко приготовил,
Но взмахнул тут шестопером Марко,
И упал король на землю мертвый.
И помчались десять сотен сватов,
Возвратились в Смедерево к дому,
Повстречал их Смедеревец с честью,
Две недели сваты пировали.
Вслед за тем увел супругу Джюра,
А юнаки к дому возвратились.

ДЕСПОТ ВУК И БАН ЗРИНЯНИН

Повеленье пишет бан * Зринянин,
Посылает Вуку Огнезмию:
«Господин мой, деспот Вук любезный!
От тебя я требую три клада:
Первый клад — заветного гнедога,
Клад второй — всевидящую саблю,
Третий клад — любимую супругу.
Коль добром отдать их не захочешь.
Выходи со мной на поединок!»
Как дошло до Вука повеленье,
Вук заплакал горькими слезами.

* Бан — сановник высшего ранга у хорватов, позднее королевский наместник. Банами называли также правителей средневековой Боснии (*тюрк.*).

Молвит Вуку сын его Михайло:
«Деспот Вук, любезный мой родитель!
Что ты плачешь горькими слезами?»
Деспот Вук таким ответил словом:
«Милый сын, один ты мне отрада!
Приказал мне нынче бан Зринянин,
Чтобы отдал я ему три клада:
Первый клад — заветного гнедого,
Клад второй — всевидящую саблю,
Третий клад — любимую супругу».
Тут сказал родителю Михайло:
«Ты отдай ему два первых клада,
Не давай лишь матушки любимой».
Но с Михайлом Вук не согласился:
«Ничего Зринянин не получит!»
И вскочил на легкие он ноги,
Взял с собой всевидящую саблю
И погнал гнедого в чисто поле.
Скачет деспот по зеленому полю,
Скачет к башне, где живет Зринянин.
Свой шатер он ставит перед башней
И коня привязывает рядом.
Но не хочет конь угомониться,
Роет землю кованым копытом,
Только пыль летит из-под копыта,
Застилает тучей поднебесье,
Лишь завидел тучу бан Зринянин,
Он позвал двух юных скороходов:
«Вы бегите в поле, скороходы,
Посмотрите, что за пыль клубится,
Может, турки там или гяуры?»
Побежали в поле скороходы,

Увидали доблестного Вука
И поспешно к бану возвратились.
Доложили бану скороходы:
«Бан Зринянин! Славный наш владыка!
И не турки там и не гяуры —
Деспот Вук на поле объявился.
Держит Вук в зубах своих ягненка,
А другого к сердцу прижимает,
Сам сверкает бычьими очами».
Как услышал это бан Зринянин,
Припоясал острую он саблю,
Взял он в руки шестопер тяжелый,
На коня вскочил он боевого,
И помчался он в зелено поле.
Лишь подъехал к Вуку бан Зринянин,
Закричал он Вуку что есть мочи:
«Господин мой, деспот Вук любезный!
Видно, ты кончины не боишься,
Коль отдать три клада не желаешь!»
Деспот Вук сказал на это бану:
«Брось ты, бан, злосчастья-поединки,
Лучше выпей ты винца со мною!
Стар я стал, на драку я не годен,
Не могу я на коне держаться,
Не могу на поединке биться».
Тут Зринянин крикнул что есть мочи,
И пустил он шестопером в Вука.
Деспот Вук сидит не шелохнется,
Ожидает шестопер тяжелый.
Только Вук дождался шестопера,
Хватъ его он левою рукою!
В правую его он перебросил

И взревел оленьим страшным ревом:
«Хочешь, бан, верну твоё оружие?»
И пустил он шестопер свой в бана,
Лишь вполсилы бана Вук ударил
Меж очами, где сходились брови,
Но с коня Зринянин повалился.
И вскочил тут Вук на легки ноги,
Выхватил всевидящую саблю,
И срубил он голову злодею,
И сказал он бану на прощанье:
«Не тебе ли, бану, говорил я,
Стар я стал, на драку не пригоден,
Не зови меня на поединок!»
Возвратился Вук обратно в башню,
Трое суток пил и веселился,
В честь его все пушки там палили.
Дай нам, боже, счастья и здоровья!

НОВАК И РАДИВОЙ ПРОДАЮТ ГРУИЦУ

Пир пируют Радивой с Новаком
На горе зеленой Романии,
Служкой служит чадушко Груица.
Лишь вином насытились юнаки,
Радивой сказал такое слово:
«Старина Новак, мой милый братец!
Все вино мы выпили с тобою,
Весь табак до крошки искурили,
Нет в кармане больше ни динара».
Старина Новак ему ответил:
«Не печалься, Радивой отважный!

Не беда, что нет вина в запасе,
Что табак до крошки искурили,
Что казной мы тоже оскудели,
С нами сын мой, чадушко Груица,
Он красивей девушки-красотки!
Мы с тобой оденемся купцами,
Грюю в платье рваное нарядим,
Поведем мы чадушку Груицу,
Продадим в Сараеве на рынке,
Убежит наш Грюя, коль захочет,
Мы ж казною снова разживемся
И вина и табаку достанем».
Тем словам обрадовался Раде,
Побратимы на ноги вскочили,
Нарядились пришлыми купцами,
Грюю в платье рваное одели,
Повели в Сараево на рынок,
Чтоб продать там чадушку Груицу.
Увидала Грюю там девица,
Обещала два куля червонцев,
Побежала к дому за деньгами.
В это время черт принес старуху,
Джафер-бега старую вдовицу,
Три куля дает вдовица денег,
Трех коней везти домой червонцы.
Проклинает ту вдову девица:
«Уводи, вдова, Дорогокупа!
Пусть тот раб тебе недолго служит,
Может, ночь, а может, две, не боле!»
Повела вдова Дорогокупа,
Привела на белое подворье,
Принесла воды ему в кувшине,

Искупала чадушку Груицу,
Нарядила в чистую одежду,
Принесла господскую вечерню.
Сел вечерять чадушко Груица,
А вдове не терпится до ночи —
Все глядит на чадушку Груицу.
Только на дворе за вечерело,
Постлала вдова ему постелю,
Полегла с Груицей на перины.
Лишь на завтра утро засияло,
Рано встала бегова вдовица,
Принесла богатые одежды,
Придела чадушку Груицу.
Нарядился чадушко в рубашку —
Вся она из золота по пояс,
А внизу от пояса — из шелка.
Сверх нее дала вдова доламу,
На доламе тридцать штук застежек,
В каждой штуке золота по литру,
В самой верхней — литра три и боле,
На застежки петли надевались,
Каждая — с кувшинчик для ракии.
На доламе золотые токи *,
В каждой токе по четыре оки.
На ноги — шальвары и сапожки, —
По колено ноги пожелтели,
Стал похож на сокола Груица;
На голову — шапку с опереньем,

* Токи — своеобразное украшение, состоявшее из особых продолговатых металлических пластинок, которое пристегивалось на груди поверх верхней одежды.

Девять перьев нацепил па шапку
Да крыло, десятое по счету,
Из крыла челенки три спускались
И висели сзади за плечами,
А цена им — тысяча дукатов.
Принесла вдова шелковый пояс,
А за пояс — гуанских две пистолы,
Обе в чистой золотой оправе,
Вместе с ними — два ножа огнистых
С дорогим алмазом в рукоятке;
Подарила кованую саблю
С золотой тройною рукоятью,
В рукояти — камень драгоценный,
Стоит сабля три царевых града.
Нарядился чадушко Груица
И сошел с высокой белой башни,
Стал гулять по белому подворью,
Заложив под мышками ладони.
На него любитесь вдовица,
С белой башни смотрит из окошка,
Подзывает чадушку Груицу,
Говорит ему такое слово:
«Господин мой, раб Дорогокупный!
Что ты нынче ходишь невеселый?
Иль жалеешь три куля червонцев,
Что дала я за тебя на рынке,
Иль коней, везти домой червонцы?
У меня полна червонцев башня,
У меня полна коней конюшня,
Три десятка там арабских коней,
Да простых там коней три десятка,
Послужили кони Джафер-бегу,

А теперь тебе пускай послужат!»
Отвечает чадушко Груица:
«Госпожа ты, бегова вдовица!
Мне богатства твоего не жалко,
О другом, вдовица, я жалею.
Жалко мне родимого подворья,
Там ходил я в горы на охоту,
У тебя ж я никого не знаю».

Отвечает бегова вдовица:
«Не печалься, раб Дорогокупый!
Тридцать мне сараевцев знакомы,
Что ходили с бегом на охоту.
Прикажу слуге я Ибрагиму,
Пусть идет на площадь городскую,
Пусть он кликнет тридцать тех юнаков,
Отправляйся с ними на охоту.
Здесь в лесу гора есть Романия,
На горе косули и олени.
Прикажу слуге я Хусеину,
Пусть он пару коней оседлает».

Оседлал двух коней тот конюший,
С площади сараевцы приспели.
На раба любитесь вдовица,
В белой башне Грую собирает.
Молвит Груе бегова вдовица:
«Ты послушай, раб Дорогокупый!
Отвори ты в башне кладовую,
Захвати дукатов на дорогу,
Одели сараевцев деньгами,
Как начнут носить тебе добычу».

Отворил Груица кладовую,
Лаком был Груица на дукаты,

Понабрал их полные карманы
Да еще в сапог себе засунул.
Говорит сараевцам вдовица:
«Тридцать вас, сараевцев-юнаков!
Берегите мне Дорогокупа,
Берегите пуще Джафер-бега!»
Тут спустился Груя с белой башни,
Сел верхом на серого лихого,
Поскакал на площадь городскую.
Вот бы вы на Грую посмотрели,
Как помчался этот черт на черте,
Как на сером тот гайдук помчался!
Только камни из-под ног летели
Да трещали там корчмы и лавки!
Говорят сараевцы друг другу:
«Боже милый, что за небылица!
Вот вдовице привалило счастье!
Удалось сыскать ей господина,
Не чета он старцу Джафер-бегу!»
И помчались все на Романию.
На горе зеленой Романии
Вдруг олень закликал и косуля.
Говорят сараевцы-юнаки:
«Господин наш, раб Дорогокупый!
Вот олень закликал и косуля!»
Но ответил чадушко Груица:
«Полно вам, сараевцы-юнаки!
Не олень тут кличет, не косуля,
То Новак гуляет с Радивоем,
А вот это — чадушко Груица!»
Тут ударил стремением Груица,
Полетел на сером через поле,

Далеко сараевцы отстали,
Хусеин один за ним несется,
Белым горлом кличет тот конюший:
«Стой ты, курва, чадушко Груица!
От меня с конем ты не ускачешь,
Не уйдешь в нарядах Джафер-бега!»
Вскок пустил он своего гнедого,
Вынимает кованую саблю,
В самом деле Груя догоняет.
Но и Груя уходить не хочет,
Повернул он серого обратно,
Вынимает саблю Джафер-бега,
Поджидает с саблей Хусеина.
Вот дождался Груя Хусеина,
По плечу по правому ударил,
Разрубил слугу он на две части,
Раздвоил седло одним ударом,
Под седлом рассек он и гнедого
Да еще и землю поцарапал.
Тут Новак из чащи подал голос:
«Здравствуй, сын мой, чадушко Груица!
Не плошал и я в былые годы,
Мог не хуже твоего ударить!»
Хусо землю пятками копает,
Груя едет в горы, распевает.
Как подъехал к Старине Новаку,
Дядю Груя в белый лик целует,
А отца целует в белу руку,
Отпустил коня он в лес зеленый,
Ухватил ружье свое под мышку,
И пошел Груица в лес зеленый.

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

Янош Арань

(1817—1882)

ТОЛДИ

Отрывок из поэмы

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

*С чудовищною балкою в деснице
Показывал дорогу он к столице.*

Илошваи

Горит на солнце тощая отава.
Куда ни глянь, налево и направо,
Кузнечики среди сухих стеблей
Пасутся, истомленные, на ней.
Работники в тени большого стога
Храпят, как будто дел у них немного.
Эх, а пока бездельники храпят,
Возы вокруг порожние стоят!

Журавль с шестом, склонившись у колодца,
Глядит в него, покуда не напьется,
Из недр земли, и тощ и сухопар,
Он кровь сосет, как великан комар.
Жуют волю, от жажды сатанея,
Но оводы их жалят все сильнее,
А лени у парней невпроворот —
Никто воды в колоду не нальет.

Пока храпят работники вповалку,
Хозяин поля брошенную балку
Взвалил на богатырское плечо,
Хоть безбород и молод он еще.
Взвалил, остановился, замечтался,
Как будто в путь далекий он собрался, —
На перекрестке двух больших дорог
Как столб он придорожный одинок.

Зачем ты, парень, встал на самом зное?
Сегодня в тень стремится все живое.
Дворовый пес развесил свой язык,
Ловить мышей в жару он не привык.
Быть может, вихрь привел тебя в волненье,
Который закружился в отдаленье?
Столбом огромным мчится он вперед,
Пустое поле пылью обдает.

О нет, не вихрь привлек тебя летучий,
Который пыль вздымает серой тучей!
Там, на дороге, выстроившись в ряд,
Блестя оружием, движется отряд,
Идет отряд, оружием сверкая,
И бедный Толди, глубоко вздыхая,
Тоскливым взглядом смотрит на него,
И нет предела горести его.

«Прекрасные венгерские дружины!
Могу ль на вас смотреть я без кручины?
Быть может, вы спешите в лютый бой,
Чтоб лавры вплесть в венки жемчужный свой!

Когда татар вы бьете и османов,
Могильный сон их ждет среди курганов.

О, если б мог сражаться с вами я,
Мои неустрашимые друзья!»

Так Миклош Толди размышлял в печали,
И душу глубоко ему вспахали
Тоска и скорбь. Ведь и его отец
Средь витязей отважный был боец.
И братец Дьёрдь при королевском сыне
Рос во дворце и стал вельможей ныне.
Покуда Миклош спину в поле гнул,
Тот во дворце и в ус себе не дул.

Но вот отряд уже проходит рядом.
Наместник Лацфи перед всем отрядом
На вороном несется жеребце.
Какая спесь у Лацфи на лице!
За ним гарцуют юноши толпою,
Конь как огонь, султан над головного,
У многих седла золотом горят
Так, что глаза у Миклоша болят.

— Эй ты, мужлан! Где в Буду здесь дорога? —
Надменный Лацфи спрашивает строго.
И ошарашен Толди и молчит,
И только сердце бешено стучит.
«Итак, мужланя! — сердце повторяет. —
А кто же всей округой управляет?
Неужто Дьёрдь, мой вероломный брат?
Он во дворце лизать тарелки рад!»

И, не вступая с Лацфи в перепалку,
Рукою он повертывает балку,

И, проклиная брата, удалец,
Как трость, ее хватает за конец.
И так стоит он на дороге тряской,
С своей огромной замерев указкой, —
Чудовищная балка в пятерне
Протянута с плечами наравне.

Глядит наместник — что это за чудо?
Что за силач? Явился он откуда?
— Вот это парень! — Лацфи говорит, —
А ну, друзья, кто это повторит?
Найдется ли среди вас хотя единый,
Кто руку с этой вытянет дубиной? —
Стыд и позор: как ни шумит отряд,
Тягаться с парнем люди не хотят.

И кто же вступит в этот спор неравный
С грозой небес, стихией своенравной?
Кто вступит в бой с божественным
огнем,
С его живым сверкающим клинком?
Знать, жизнь тому до смерти надоела,
Кто впутаться захочет в это дело!
Куда угодно, лучше к черту в пасть,
Лишь только б в эти руки не попасть!

И двигается конница густая,
О Толди по дороге рассуждая,
И каждый всадник на него глядит
И ласковое слово говорит.
Один дивится: — Ты отличный воин!
Такой, как ты, носить клинок достоин!

— Как ж а л ь , — вздыхает сумрачно другой, —
Что твой отец крестьянин был простой!

Войска прошли, и средь полей пустынных
Развеял ветер звон мечей старинных,
И, покидая сонные поля,
Шагает Миклош так, что вся земля
Дрожит вокруг. Бредет он по бурьянам,
Пыхтит он разобиженным кабаном,
Трещит в руках огромное бревно —
Всей пятернею стиснуто оно.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ

*Когда же Дьёрдь из Буды возвратился,
Над Миклошем нередко он глумился.*

Илошваи

Покуда гнев терзает несчастливца,
Большое дело в Надьфалу творится:
Клубами дым над трубами плывет,
Журавль поклоны у колодца бьет.
Бараны блеют, стонут поросята —
Сегодня жизнь у них тяжеловата,
Снуют кухарки около сеней,
Не повернуться в кухне от людей.

Вон судомойка льет рукой проворной
Ушат воды в котел шестиведерный,
Другая птицу тычет в кипяток,
Сдирая перья с головы до ног.

Дьёрдь матушку приветствует сурово,
Хоть от нее не видел он худого.
— А где ж другой? — нахмурился, он спросил.
Так он родного братца окрестил!
— Он с батраками косит, паше чадо.
Позвать его? — Но крикнул Дьёрдь: — Не надо!
В родное сердце, выкормыш вельмож,
Вонзил он слово, острое как нож!

Не надо! Но, негаданный-нежданный,
Явился Миклош, гневом обуянный.
Кипит в нем сердце, как котел в огне,
Душа его истерзана вдвойне.
Но, увидав перед собою братца,
Он не позволил бешенству прорваться
И ненависть на время потушил.
Где только мог найти он столько сил!

Едва сошлись они, родные братья,
Хотел он Дьёрдя заключить в объятия,
Но оттолкнул его надменный брат,
Не захотел поднять навстречу взгляд.
Заплакала несчастная вдовица —
Знать, каменное сердце у спесивца!
Стоит она, рыдая, перед ним,
Но Дьёрдь ее бранит, неумолим:

— Избаловала, мать, щенка ручного,
Пригрела лежебоку молодого!
Купай его хоть в крынке с молоком,
Дурак вовеки будет дураком.
Сейчас на поле жаркая работа,

— Наследства? — крикнул Дьёрдь и что есть
духу

Влепил меньшому брату о плеуху. —
Вот все мое наследство, негодяй!
Возьми его и больше не пеняй!
И вспыхнул Миклош, и, готовый к бою,
Как булава, кулак над головою.
Дьёрдь отскочил испуганно назад.
Сейчас братоубийцей станет брат!

И лег бы Дьёрдь в бесславную гробницу,
Забыл бы Дьёрдь веселую столицу,
Простился бы он с жизнью навсегда,
Не встал бы он до страшного
суда!

Но только поднял свой кулак детина,
Метнулась мать, прикрыв собою сына,
Прикрыла Дьёрдя, встала на пути,
Чтоб от убийства Миклоша спасти.

И опустил он руку поневоле,
Глаза потупил в нестерпимой
боли,

Неистовое пламя превозмог
И выбежал, как пьяный, за
порог.

И на дворе, припоминая ссору,
Он подошел к высокому забору
И, проклиная свой горячий нрав,
Упал на жернов, громко зарыдав.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ

*Немало Миклош вытерпел от брата,
Когда убил его слугу-солдата.*

Илошваи

Но мало горя сытым дармоедам!
Давно пора покончить им с обедом.
Ватага пьяниц, налакавшись власть,
Привычную забавой занялась.
Бушует кровь, вино играет в теле.
Рассыпались по лугу пустомели,
Копье в мишень несется за копьём,
Как жеребцы, гогочут все кругом.

Умяв жаркого столько, сколько влезло,
Дьёрдь для себя велел поставить кресло,
И, сидя под навесом, как барон,
С гостями вместе развлекался он.
И вдруг заметил Дьёрдь, что в отдаленье,
Уткнув лицо в поджатые колени,
Тоскует Миклош, бледен и угрюм.
И злая мысль пришла ему на ум.

К соратникам своим пустоголовым
С таким хозяин обратился словом:
— Эй, братцы! Горе к аисту пришло —
Сидит и нос упрятал под крыло.
Неужто сдохла под забором птица?
Нехудо бы нам в этом убедиться.
Давайте потрясем над ним забор,
Не полетит ли аист на простор?

И как собачья радуется свора,
Заметив зайца в темной чаще бора,
Так радуется сборище гостей
Забаве неожиданной своей.
Взлетели копыя, доски затрещали,
Но Миклош, преисполненный печали,
Не шелохнется, скорбный и немой,
Хоть копыя и свистят над головой.

Не отвечает он на шутки брата,
Хотя могла б ужасной быть расплата.
С презрением он смотрит, недвижим,
Как гости издеваются над ним.
Он смял бы их, как кустик земляники,
Он — как Самсон из прадедовской книги,
Что, не стерпев от филистимлян зла,
Побил их войско челюстью осла.

Потупившись, он глаз не поднимает,
Как будто шуток злых не понимает,
Он даже бровью не повел с тех пор,
Когда над ним затрясся весь забор.
Но вот копые плечо ему задело,
И кровь его мгновенно закипела.
Схватив огромный жернов, что есть сил
В бездельников он мигом запустил.

Несется страшный жернов над толпою —
Кого, упав, сровняет он с землею?
Беги, беги, несчастный Миклош, прочь!
Убийце будет некому помочь,
Ты озвереешь, дом покинув брата,

Как тот кабан, отбившийся от стада,
Который волю дал своим клыкам,
За что и был из стада изгнан сам.

И там, где тяжкий камень опустился,
Какой-то витязь с жизнью распростился:
Как в маслобойне, тело расплзлось,
Кровавым маслом в землю пролилось.
Земля струю кровавую слизнула,
Смертельной пленкой очи затянула...
Стоят в смятенье люди вокруг него,
Но мертвый уж не видит ничего.

Взъярился Дьёрдь: слуга его убитый
Поистине был витязь именитый.
Но даже в гневе радуется он:
Теперь убийцу не простит закон.
Теперь, прибегнув к действиям законным,
Судьей он будет брату непреклонным.
И оглашает строгий он приказ,
Чтобы убийца схвачен был тотчас.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ

*Старуха мать по Миклошу скучает
И потихоньку пищу посылает.*

Илошваи

Как тот олень, застигнутый стрелю,
Который мчится лесом к водою,
Чтобы вблизи целебного ключа

Набраться сил, травой себя леча,
Хотя родник уже иссяк холодный
И нет травы поблизости пригодной,
Хотя, как иглы, колются шипы
И не найти потерянной т р о п ы, —

Так мчался Миклош, мчался как попало,
Лихое горе парня оседлало,
Как жеребец, застигнутый огнем,
Металось сердце бешеное в нем.
Напрасно ищет он уединенья,
Скитальцу нет нигде успокоенья...
Увидев ключ, подходит он к воде,
Но для ночлега места нет нигде.

Как дикий волк, гонимый пастухами,
Он в тростниках бредет над берегами,
И каждый стебель говорит ему,
Что он уже не дорог никому.
Ему постелью ворох стал осоки,
Подушкой — кочка; небосвод высокий,
Построив свой полуночной шатер,
Над бедным Толди крылья распростер.

И, мотыльком порхая над поляной,
Явился сон в одежде златотканой,
Но на глаза вспорхнуть, увы, не смел,
Пока восток вдали не заалел.
Он комаров боялся и колючек,
Зверей страшился в зарослях дремучих,
Но злое горе Толди моего
Его пугало более всего.

Когда ж рассвет забрезжил понемногу,
Умолк комар и зверь ушел в берлогу,
Над изголовьем мотылек вспорхнул,
Крылами очи Миклошу сомкнул.
Нацеловал на губы мед чудесный,
Которым мак снабдил его окрестный,
И так была чудесна та пыльца,
Что слюнки потекли у беглеца.

Но голод позавидовал покою,
И разбудил он юношу с зарею,
И, застав от нестерпимых мук,
Несчастный Миклош выскочил на луг.
Облазил все труппы и закутки,
Где жили чайки, чибисы и утки,
Ограбил птичек, гнезда разорил
И яйцами свой голод утолил.

Благословив судьбу за угощенье,
Задумался он, полный огорченья,
Как дальше быть. Куда теперь идти?
Ужель ему закрыты все пути?
О, если бы не матушка родная,
Давно б ушел из этого он края,
Но надобно подать старушке весть,
Иначе горя ей не перенеть.

Три дня подряд он в зарослях ютился,
Вдруг перед ним тростник зашевелился.
Коль это волк, не дрогнет Миклош мой:
Загрызть его лишь братец мог родной.
Нет, то не волк явился к водопою —

То старый Бенце шел лесной тропею.
Наверное, слугу послала мать,
Чтобы в трущобах сына отыскать.

— Какое счастье! — вскрикнул он ликуя. —
Уж третий день везде тебя ищу я!
Все заросли обшарил, все пути,
Уж и не думал, что смогу найти.
Как ты, сынок, не помер с голодухи?
Как зверь тебя не слопал? С полкраюхи
Принес я хлеба, да бараний бок,
Да эту флягу. Подкрепись,
сынок!

И, вытирая слезы кулаками,
Старик слуга дрожащими руками
Открыл свою просторную суму
И свертки развернул по одному.
И опустился старый на колени
И разостлал суму без промедленья,
Домашние припасы разложил
И парой яблок дело завершил.

Складной свой нож достал он из
кармана
И подал Толди. Славный кус барана
Отрезал Миклош, хлеба взял кусок
И на еду с усердием налег.
И старый Бенце, глаз не отрывая,
Следил за ним, от счастья замирая,
И челюстями двигал, умилен,
Как будто ел не юноша, а он.

Чтоб угодить голодному бедняге,
Старик, кряхтя, свернул головку фляге,
И фляга, взвизгнув, на его ладонь
Плеснула свой малиновый огонь.
Потом, хлебнув во здравье господина,
Он фляжку Толди подал благочинно,
И, соблюдая сельский свой закон,
Концом рубахи вытер губы он.

Вино развеселило старикашку.
Едва друзья распробовали фляжку,
Повел он речь о дальней старине,
О старом Толди и его родне,
Как он служил у деда пастушонком,
Как Миклоша он знал еще ребенком...
Он до скончанья б века говорил,
Но Миклош старика остановил.

— Ой, ради бога, брось ты эти речи!
Теперь от них несколько мне не легче.
За чистой кукурузы у огня
Ты ими часто баловал меня.
О подвигах отца припоминая,
Мы за полночь сидели у сарая,
И до рассвета я потом не раз
Лежал в кровати, не смыкая глаз.

Но милый мой, что было — миновало.
Судьба меня, как видишь, доконала —
Я совершил убийство, я злодей,
Как знать, дождусь ли правды от людей!
Но все же крепок верой я святою,

Что смилуется бог над сиротою.
И, кровью смыв невольную вину,
Себе я имя доброе верну.
Подумай, разве стоило родиться,
Чтобы лягушкой в дебрях мне ютиться?
Простым я разве создан батраком,
Чтоб спину гнуть и вечером и днем?
Иная мне предчувствуется доля —
Лишь в сумерках уйдут крестьяне с поля,
Отправлюсь я скитаться по стране,
И вы не ждите вести обо мне.

Взгрустнулось Бенце от такого слова —
Жаль старику скитальца молодого,
И, ковыряя старый свой сапог,
Он долго слова вымолвить не мог.
Потом сказал, исполненный смиренья,
Что за совет он просит извиненья,
Но все же плохо сделает беглец,
Коль не вернется к дому наконец.

— В беде, — сказал он, — сохраняй рассудок!
Уедет в Буду через двое суток
Твой братец Дьёрдь, и все пойдет на лад,
Опять ты будешь счастлив и богат.
Ужели нашу бросишь ты округу,
Которая верна тебе, как другу?
Ужели Бимбо с Ломбаром — волов
Оставить ты, сыночек мой, готов?

Неужто бросишь ты свои проказы?
Кто ж с мельницы домой притащит сразу

Два-три мешка? Кто с жерновом в руке
Теперь парней потешит, весь в муке?
Ох, не ходи, сынок, по белу свету,
Не покидай, сынок, деревню эту,
Не заставляй свою седую мать
О бесприютном сыне горевать!

Так он молил хозяина с тоскою,
Но тот молчал, качая головою;
Когда же речь о матери зашла,
Опять душа его изнемогла.
И юноша молчал, блуждая взглядом
По тростнику, который с ними рядом
Качался, и невольная слеза
Вдруг навернулась на его глаза.

Как будто пот рукою вытирая,
Смахнул он гостью наземь и, вздыхая,
Слуге промолвил: — Добрый Венце мой,
Иди теперь ты к матушке домой.
Скажи ты ей, что ныне скрота

мглою

Звезда моя, что свидеться со мною
Ей долго не придется и вестей
О бедном сыне ждать не нужно ей.

Скажи ты ей, что с этого мгновенья
Родное покидаю я селенье,
Когда же срок условный пролетит,
Весь обо мне народ заговорит.
Заговорит такое, добрый Венце,
Что удивятся старцы и младенцы

И сердцу материнскому опять
От радости придется трепетать.

И старый Бенце, выслушав беднягу,
Свой вытер нож, и сунул в сумку флягу,
И уложил холстины лоскуток,
В котором сала он принес кусок.
Потом он сумку на плечо повесил,
С хозяином простился и, невесел,
Пустился в путь. И чаща тростника
Сомкнулась за спиной у старика.

ПЯТАЯ ПЕСНЯ

*Скрывался Миклош у ручья в осоке.
Илошваи*

Ложась в камыш, вечернее светило
Свой алый плащ на небе позабыло,
Но ночь влетела, силы собрала
И черным крепом мир заволокла.
Заволокла все небо, и гвоздями
Мильоны звезд прибила над полями,
И диск луны серебряным венцом
Зажгла над одиноким беглецом.

И Миклош Толди в дальний путь собрался...
И чем он глубже в чащу погружался,
Тем все сильнее влекло его домой,
Под кров родимый, к матушке родной.
Зачем ему оглядываться доле?
Живой души не видно в целом поле.

Но все-таки оглядывался он,
Печалью и заботой угнетен.

И так он шел поспешными шагами.
Вдруг кочка провалилась под ногами,
И два волчонка, жалобно скуля,
Зашевелились в яме, где земля
Осыпалась над ними. Знать, волчица
Решила в этом месте поселиться.
И наклонился Миклош и волчат
Погладил, словно маленьких щенят.

Эх, не склоняйся, Миклош, над норую!
Камыш, треща, качнулся за спиною,
И мать-волчица, выскочив на луг,
На человека налетела вдруг.
Отпрянул Миклош; но волчица злая
Простерла лапы, на дыбы вставая,
И с головою Толди наравне
Ее клыки блеснули при луне.

Увидев пред собою зубы волчьи,
Ударил Миклош зверя что есть мочи,
И, словно бык, могуч и разъярен,
Пинком ноги швырнул волчицу он.
Далеко в чашу рухнула зверюга.
От шума содрогнулась вся округа,
Когда, ломая стебли камыша,
Она упала в поле, чуть дыша.

Но словно бес вселился в зверя злого!
Перевернулась хищница, и снова,

Неукротимой ярости полна,
Набросилась на Миклоша она.
Схватив плечо соперника когтями,
Колено сжала задними ногами,
Открыла пасть кровавую свою —
Опять беглец у смерти на краю!

Но это все еще б не страшно было,
Когда б самец не показался с тыла.
Что можно сделать против двух зверей,
Будь бедный Миклош во сто раз сильней!
Напрасный страх! Дано герою свойство:
Чем больше бед, тем больше в нем
геройства.

Он совладеет с тысячами бед.
Не попадет он волку на обед.

Руками он волчице стиснул горло
Так, что дыханье у зверюги сперло,
И задохнулась хищница, урча,
И выпустила когти из плеча.
Прикончив зверя, Толди повернулся
И на самца волчицей замахнулся
И до тех пор волчицей волка бил,
Покуда сам не выбился из сил.

Стоит на поле Миклош, отдыхая,
И тишина вокруг опять глухая.
Не слышно даже маленьких волчат:
Они, в земле затоптаны, молчат.
Не дышит волк, подохла и волчица.
Вокруг луны холодный свет лучится —

Уже давно она над головой
Сковородой сверкает золотой.

.
.

ДЕВЯТАЯ ПЕСНЯ

*Напрягся бык, веревка затрещала...
Печенки Миклош получил немало.*

Илошваи

Весь залит Пешт блестящим лунным светом,
Белеют трубы в лунном свете этом,
И дранковые кровли, все в пыли,
Торчат, спускаясь чуть не до земли.
Чтоб был чердак просторнее и выше,
Тогда крутые выводили крыши.
Теперь дома во много этажей —
Старинный Пешт не знал таких затей.

Скитаньями своими удрученный,
Сел на скамейку Миклош утомленный.
Вокруг него сновали господа,
Смотреть на них не стоило труда.
К чему глазеть на пышные кареты,
Когда в кармане нету ни монеты?
Четыре дня по милости судьбы
Он жил в лесу и ел одни грибы.

Вдруг поднялось на улице волнение.
Что там стряслось — пожар иль наводнение?

Нет, не огонь там, Миклош, не вода,
Совсем другая близится беда.
Огромный бык с кровавыми глазами
Как бешеный несется меж домами!
Как видно, с бойни, где кололи скот,
Он выскочил случайно из ворот.

Как обуздать опасного смутьяна?
Вон мясники, не размотав аркана,
Попрятались и из своих закут
Собак истошным голосом зовут.
И шесть могучих псов остервенело
Из подворотни мигом налетело.
В одно мгновение перерезав путь,
Они быку набросились на грудь.

Когда один из них вцепился в ухо,
Бык заревел отчаянно и глухо,
Тряхнул башкой и псов на весь
квартал,

Как детские игрушки, раскидал.
Визжа и воя, псов летела свора
И шлепались на землю у забора.
Науськивают парни их опять,
А бедным псам и на ноги не встать!

Не разбирая сослепу дороги,
Помчался дальше исполн двурогий.
Обрушилась на улицу беда,
Бежит народ, спасаясь кто куда.
Шум. Женский визг. Мужчины завопили:
— Хватай его! Зачем не окружили?

А сунься-ка попробуй! Каждый здесь
Готов от страха в щелочку залезть.

Когда толпа отхлынула густая,
Поднялся Толди, зверя ожидая.
Кричат ему: — Ты спятил, дуралей!
Не видишь, кто несется на людей?
Как не видать чудовище такое!
Но буркнул Толди: — Мелете пустое! —
Не обратив внимания на крик,
Направился к быку он напрямик.

И бык взревел и длинными рогами
Ударил в землю так, что над домами
Взметнулась пыль. Так, кончив обмолот,
Мякину мечет вилами народ.
И вдруг навстречу парень этот гордый,
Как гаркнет вдруг над самой бычьей мордой!
И вмиг ошеломленного врага
Он ухватил руками за рога.

И вот на бойне бык к столбу прикручен,
Рога к ногам привязаны могучим,
Зеваки понемногу разошлись,
Работники в постели улеглись.
Прилег и Миклош около порога,
Чтоб отдохнуть с дороги хоть немного —
Подушкой был чурбан ему простой,
Лучи луны — прохладной простыней.

Но мясники, прервав его дремоту,
Ему печенку дали за работу.

— Иди ты, парень, к дьяволу! У нас
Нет для тебя постели про запас.
«Так вот оно, мое вознагражденье, —
Подумал Миклош, — плата за спасенье
Десятков жизней!» Взял подачку он
И выбросил собакам, оскорблен.

Пошел он прочь в досаде и печали,
И многие вослед ему шептали:
— Вот тот, который справился с быком! —
Но запирался на ночь каждый дом,
Ключи в замочных скважинах пропели,
Захлопываясь, ставни заскрипели,
И снова в бесприютной тишине
Остался он с собой наедине.

Антал Гидаш
(род. в 1899 году)

СТОНЕТ ДУНАЙ

В декабре 1944 года, когда победоносная Советская Армия уже подходила к окраинам города Будапешта, фашисты убили моих престарелых родителей.

Русскому поэту

*Как малая скрипка — язык моей родины дальней.
Поэма моя — как человек из сверкающих слез.
На виолончели твоей подхватил ты напев мой печальный,
И в русские звуки облек, и, рыдая, над миром вознес.*

*И скрипка моя опустилась на руку венгерца.
И внемлет тебе твой великий и гордый народ.
Поет наш оркестр, и взволнованно слушает сердце
Согласную песню печали, борьбы и забот.*

1. КРУЖАТСЯ ВОЛНЫ

Уж сорок семь исполнилось мне лет.

В тот день, когда мое младенческое тело
Впервые вскрикнуло, в слезах увидев свет,
Как трепетно она дышала мне в ответ,
Как пристально в глаза мои смотрела!

И вот — в слезах лицо мое опять:
В далекой Венгрии мою убили мать.
Я пол-Европы обошел,
Гнилые я дубы рубил без колебания,
Я по камням шагал, жестоким, как судьба,
Порой казалось мне — сбылись мои мечтанья,
И счастьем своему не видел я конца.
...Но бросили в Дунай убитого отца,
И тщетная гнетет меня забота,
Чтоб не кружила голову его
В душе моей волна водоворота,
На дно, на дно уходит мать моя,
В глазах ее
Последний образ —
Я.

Вот почему — хорош или не хорош, —
Но стих мой, обнаженный поневоле,
В живое сердце входит, словно нож,
Чтоб вскрикнуло оно от ярости и боли.
И покривился, как осенний клен,
Поэт, истерзанный в печалах и невзгодах,
И слез своих не прячет больше он...
И, обнимая дерево народов,
Опустошенное за долгую борьбу,
Весь в ярости, трубит в свою трубу.

2. В СУМЕРКАХ БУДАПЕШТА

...А дни все темней и короче,
Земля словно в саван одета,

И мало уж падает в очи
Сквозь рамы оконные света.

Принижена жизнью убогой,
Печальная речь обнищала:
— Хлеба! Одежды! Не трогай! —
И завтра все то же, сначала.

Ноябрь еще долго продлится,
И сумерки будут все ране.
Шатается мир и клубится
В дрожащем и влажном тумане.

Ложится на землю и воды
Рудничная пыль, оседая.
И в ужасе смотрят народы,
Грядущих судеб ожидая.

3. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО К ДОЧЕРИ

«Что написать тебе, дочка моя дорогая?
Чем тебя может утешить твоя одинокая мать?
Годы, как зайцы, стрелой из-под ног выбегая,
Мчатся вперед. О, как тяжело нам в мире опять!

Только что холод прошел — нынче снова зима
наступила.

Несколько летних часов — и опять непогода да снег.
Только б до мира дожить. Холодна эта жизнь,
как могила.

Только о мире одном, замерзая, скорбит человек.

Мира все нет. Посмотри, как в смертельной тоске
упадают

Ветви. Но дерево, рухнув, не будет дровами к зиме.

Видишь — в дубину оно превратилось, и в дверь мою
бьет,
и замок, грохоча, вырывает.
Горе нам, дочка!»
О, как мне найти утешенье в забрызганном кровью
письме?

4. БОЙНЯ

И, плача, я хватаю за рога
Мои бодающиеся воспоминанья,
Я волоку на бойню их, пока
Не разорвалось сердце от
страданья.

И за ударом падает удар,
И предо мною, вскакивая с ревом,
Они хрипят в беспамятстве, и пар
Их застигает облаком багровым.

И вот, на крючьях подняты
вдали,
Они висят, качаясь еле-еле,
И морды их волочатся в пыли,
И слезы на глазах застекленели.

И буря поднимается во мне,
И от рыданий вздрагивают веки,
И плачу я, истерзанный вдвойне,
Навеки окровавленный, навеки...

5. ГОВОРIT МАТЬ

Путь наш окончен, и незачем плакать о нас.
Солнце уходит из глаз, наступает последний мой час.
В землю легли миллионы убитых людей.
Как-нибудь лягу и я между ними с любовью моей.

Время, пространство и смерть испытал до конца,
Сына найдет еще мать и сотрет ему слезы с лица.
За руки взявшись, замкнут они жизни звено,
Вечность в дунайские воды их примет на самое дно.

Если же в мире наступят счастливые дни,
Снова из мертвого ила поднимутся к миру они.
Звездным сияньем людей обольют из-под век,
И человеком воистину станет тогда человек.

6. ПЕСНЯ МОЕГО ОТЦА

Уйфехерто — край мой милый,
Надудвар.
Над моей сырой могилой
Хлещут волны, вьется пар.

Ходит ветер по Дунаю
Надо мной,
И плыву я, и ныряю,
И вздымаюсь над волной.

Шил чужие башмаки я
С малых лет,

Но валюсь на дно реки я,
Окровавлен и раздет.

Как от жизни я унылой
Изнемог!
Стал крестом мне над могилой
Мой разбитый молоток.

Вот жена моя седая
В глубине.
Я припал бы к ней, рыдая,
Да рукой не двинуть мне.

Волны вьются, волны стонут,
Давят грудь,
Жизнь людскую тянут в омут —
Ни подняться, ни вздохнуть.

Уж полмира износило
Сапоги.
Где ты, мастер, полный силы?
Починить их помоги!

О, как я благословляю
Твой приход!
Весь босой идет к Дунаю
Изнуренный мой народ.

Нет уж сил у нас с женою,
Милый друг!
Уносимые волною,
Слезы катятся вокруг.

И плывем мы в сумрак дальний
Все быстрее...
И да примет нас печальный
Безглагольный мрак морей!

7. СТОНЕТ ДУНАЙ

Мчится февраль,
Золотистую пену сдувая,
Стонет Дунай,
И, вздымаясь с глубокого дна,
Мертвый песок
Обнимает рука неживая,
Пена играет на пальцах,
Холодная плещет волна.

Руки ли бьются
Иль стонет дунайская пена?
«Венгрия, Венгрия,
Смою тебя и навек,
Если ты вновь,
Потрясая оружием надменно,
Будешь позорить
Все то, чем велик человек!

С давних времен
По моим берегам плодородным
Венгры, румыны, славяне
Цветут, как живые сады.
Кто это сделал,
Чтоб кладбищем стал я холодным?

Медленным кладбищем
Вечно текущей воды?

Светят костры.
Догорают вечерние зори.
Сети рыбачьи
Живым налились серебром.
Люди Дуная,
Когда ж вы забудете горе,
Дружно пируя
На празднике светлом моем?»

Ропот воды
Замирает у ног постепенно.
Солнечный луч
Разрывает на миг облака.
Пальцами матери
Движет холодная пена.
Стонет Дунай,
В молчаливые бьет берега.

8. ГОВОРИТ СЫН

О, посмотри на меня через горе и муку,
Мать моя бедная! Как ты теперь далеко!
Больно тебе? Протяни мне холодную руку.

Мысли мои переломаны, словно игрушки.
Каждое утро, едва я беру молоко,
Пламя встает, выбиваясь из глиняной
кружки.

Горло, сжимаясь, глоток возвращает обратно.
Хлеб сиротливо лежит на холодном столе.
Мать моя бедная! Горе мое необъятно.

Ненависть, ненависть! Я опрокинут тобою.
Нет мне покоя в довольстве, в семье
и в тепле,
В пище, в работе — ни в чем не найти мне
покоя.

Нет мне покоя: убийцы идут по земле.

9. ЧЕРНЫЕ РУКИ

Черные руки вздымают мосты,
Мертвые люди вздымают персты.
Мать моя, руку вздымаешь и ты.

Черною тенью скользят облака.
С визгом и воплем несется река.
Давит ее человечья тоска.

Нет ей покоя от мертвых гостей,
Русло от боли сжимается в ней.
Волны колеблются, льда холодной.

Вихри вздымаются издалека,
В ужасе гонят они облака.
Полная слез, негодует река.

10. РАЗДУМЬЕ

Буря прошла,
Отгремела гроза, улетаю.
Всхлипнув от слез,
Засыпает в кроватке дитя;
Падая наземь,
Струится вода дождевая;
Тихо лепечут
Последние капли дождя.

Мать моя смотрит
Сквозь окна души моей снова.
В сердце мне льется
Сияние светлых очей,
Плачет душа,
Но отчаянья нет уж былого.
Только слеза моя
Все горячей...

11. ОТВЕРНУТСЯ ТРАВЫ

Кадры из тысячи фильмов бегут,
Голову кружат, дышать не дают.
Как ни болят мои очи, сегодня я вряд ли усну,
Стонет Дунай, увлекая меня в глубину.

Есть ли на свете забвеньё? Навряд!
Пусть же виденья все ярче горят!
Капая на руки, катятся слезы мои.
Как ненавижу я жалкие слезы мои!

Глупый, зачем ты смежаешь глаза?
Спящего разве минует гроза?
Травы и те от тебя отвернутся в бою,
Если за мать не отмстишь ты сегодня свою.

12. ОТМЩЕНЬЯ!

Зачем же люди плачут по домам,
Не выходя на улицу, не собираясь
На площадях, открытых всем ветрам?
Зачем они, от боли содрогаясь,
Прижав к глазам измученным платок,
Рыдают немощно? Из этих слез соленых
Такой бы ринулся по городу поток
Бушующий, от этих горьких стонов
Такой бы смерч пронесся по жилью
И грозное перо такие б обвиненья
Вписало в книгу, Венгрия, твою,
Что даже мертвые во всем твоём
краю
Восстали б, требуя отмщенья!

13. ТОЛЬКО МЫ

Там, где родился я, — отчизна твоя дорогая,
Где говорить научился — там родина... Как же
назвать
Эту страну, где рожден я, где вырос, играя,
Где растерзали
Мою беззащитную мать?

Вырвать ли мне мой язык изо рта иль смиренно
В сердце своем успокоить могильные эти холмы?
О, расступись, мое небо! Исчезни, дунайская пена!
Звезды над пашей странюю
Зажжем только мы. Только мы.

14. ЭПИЛОГ

О нет, не умру я, покуда,
Очнувшись от боли опасной,
Душа, как великое чудо,
Наш мир не полюбит прекрасный.
Покуда великое слово,
В полотнице рея багровом,
Наш мир не окутает снова
Счастливым весенним покровом.
Покуда скала Эвереста
Не скажет с вершин Гималаев:
«Нет в мире прекраснее места,
Чем наша земля молодая!»
Покуда на старых могилах
Не встречусь я с новою речью
И в тысяче образов милых
Погибшую мать я не встречу.
И если б в видения эти
Не верил доньше я страстно,
Напрасно я жил бы на свете,
Напрасно, напрасно, напрасно.

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ
Иоганн Вольфганг Гёте
(1749—1832)

СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА

Душа в огне, нет силы боле,
Скорей в седло — и на простор!
Уж вечер плыл, лаская поле,
Висела ночь у края гор.

Уже стоял, одетый мраком,
Огромный дуб, встречая нас.
Уж тьма, гнездясь по буеракам,
Смотрела сотней черных глаз.

Исполнен сладостной печали,
Светился в тучах лик луны.
Крылами ветры помавали,
Зловещих шорохов полны.

Толпою чудищ ночь глядела,
Но сердце пело, неся конь.
Какая жизнь во мне кипела,
Какой во мне пылал огонь!

В моих мечтах лишь ты носилась,
Твой взор так сладостно горел,
Что вся душа к тебе стремилась
И каждый вздох к тебе летел.

И вот — конец моей дороги,
И ты, овеяна весной,
Опять, опять со мной. О боги,
Чем заслужил я рай земной?

Но, ах, лишь утро засияло,
Угасли милые черты.
О, как меня ты целовала,
С какой тоской смотрела ты!

Я встал, душа рвалась па части,
И ты одна осталась вновь.
И все ж любить — какое счастье,
Какой восторг — твоя любовь!

Иоганн Фридрих Шиллер
(1759—1805)

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

«Вы одна моя отрада,
Славный рыцарь мой,
Но просить меня не надо
О любви земной.
Вы со мной иль не со мною —
В сердце нет огня.
Что ж вы смотрите с мольбою,
Рыцарь, на меня?»

И отводит рыцарь взоры
От ее ланит
И, в коня вонзая шпоры,
В замок свой летит.
И, собрав свою дружину,
Из родной страны
Мчится рыцарь в Палестину,
На поля войны.

Горе, горе мусульманам!
В кованой броне
Он летит на поле бранном
На лихом коне.
И бежит, бежит в испуге
Вражеская рать.

Но томится, полон муки,
Тогенбург опять.
Год прошел в тоске напрасной,
И не стало сил:
Без ее любви страстной
Свет ему не мил.
Только парус показался,
И на корабле,
Полон радости, помчался
Он к родной земле.

Вот в знакомые ворота
Входит пилигрим.
Ах, один слуга у входа
Предстает пред ним.
«Опоздали вы немного,
Девы в замке нет.
Отреклась она для бога
От мирских сует».

Тут покинул он навеки
Свой родимый дом,
Боевые снял доспехи,
Панцирь и шелом.
И, покрытый власяницей,
В цвете юных лет
Рыцарь следом за девицей
Бросил грешный свет.

В чаще лип стоит обитель,
Сад угрюм и дик.

Молодой пустынножитель
Келью там воздвиг.
На окно уставив очи,
Истомлен постом,
Бога он с утра до ночи
Молит об одном.

Одного душой унылой
Просит он давно —
Чтоб в обители у милой
Стукнуло окно.
Чтоб, как ангел безмятежный,
В тишине ночной
Дева лик склонила нежный
В сад пустынный свой.

Увидав ее, от счастья
Падал он без сил.
Годы шли, но, полон страсти,
Бога он молил.
Каждый день, больной и хилый,
Он просил одно —
Чтоб в обители у милой
Стукнуло окно.

Чтоб, как ангел безмятежный,
В тишине ночной
Дева лик склонила нежный
В сад пустынный свой.
Так однажды в день ненастный
Мертвый он сидел
И в окно с мольбой безгласной,
Как живой, глядел.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

К Коринфу, где во время оно
Справляли праздник Посейдона,
На состязание певцов
Шел кроткий Ивик, друг богов.
Влекомый жаром песнопенья
И бросив Регий вдалеке,
Он шел, исполнен вдохновенья,
С дорожным посохом в руке.

Уже его пленяет взоры
Акрокоринф, венчая горы,
И в Посейдонов лес густой
Он входит с трепетной душой.
Здесь всюду сумрак молчаливый,
Лишь в небе стая журавлей
Вослед певцу на юг счастливый
Станицей тянется своей.

«О птицы, будьте мне друзьями!
Делил я путь далекий с вами,
Был добрым знаменем дан
Мне ваш летучий караван!
Теперь равны мы на чужбине, —
Явившись издали сюда,
Мы о приюте молим ныне,
Чтоб не постигла нас беда!»

И добрым шагом в глубь дубравы
Спешит певец, достойный славы,
Но притаившиеся тут
Его убийцы стерегут.

Он борется, но два злодея
Его пронзают с двух сторон:
Искусно лирою владея,
Был неискусен в битве он.

К богам и к людям он взывает,
Но стон его не достигает
Ушей спасителя: в глуши
Не отыскать живой души.
«И так погибну я, сраженный,
И навсегда останусь нем,
Ничьей рукой не отомщенный
И не оплаканный никем!»

И пал он ниц, и пред кончиной
Услышал ропот журавлиный,
И громкий крик и трепет крыл
В далеком небе различил.
«Лишь вы меня, родные птицы,
В чужом не бросили краю!
Откройте ж людям, кто убийцы,
Услышите жалобу мою!»

И труп был найден обнаженный,
И лик скитальца, искаженный
Печатью ужаса и мук,
Узнал в Коринфе старый друг.
«О, как безгласным и суровым
Тебя мне встретить тяжело!
Не я ли мнил венком сосновым
Венчать любимое чело?»

Молва про злое это дело
Мгновенно праздник облетела,
И поразились все сердца
Ужасной гибели певца.
И люди кинулись к претанам,
Немедля требуя от них
Над песнопевцем бездыханным
Казнить преступников самих.

Но где они? В толпе несметной
Кто след укажет незаметный?
Среди собравшихся людей
Где укрывается злодей?
И кто он, этот враг опасный, —
Завистник злой иль жадный тать?
Один лишь Гелиос прекрасный
Об этом может рассказать.

Быть может, наглými шагами
Теперь идет он меж рядами
И невзирая на народ
Преступных дел вкушает плод.
Быть может, на пороге храма
Он здесь упорно лжет богам
Или с толпой людей упрямо
Спешит к театру, бросив храм.

Трещат подпорами строенья,
Перед началом представленья
Скамья к скамье, над рядом ряд
В театре эллины сидят.
Глухошумящие, как волны,
От гула множества людей,

И гимн торжественно-согласный
Звучит мелодией ужасной
И сети пагубных тенет
Вкруг злодеяния плетет.
Смущая дух, волнуя разум,
Эриний слышится напев,
И в страхе зрители, и разом
Смолкают лиры, онемев.

«Хвала тому, кто чист душою,
Вины не знает за собою!
Без опасений и забот
Дорогой жизни он идет.
Но горе тем, кто злое дело
Творит украдкой тут и там!
Исчадья ночи, мчимся смело
Мы вслед за ними по пятам.

Куда б ни бросились убийцы —
Быстрокрылатые, как птицы,
Мы их, когда настанет срок,
Петлей аркана валим с ног.
Не слыша горестных молений,
Мы гоним грешников в Аид
И даже в темном царстве теней
Хватаем тех, кто не добит».

И так зловещим хороводом
Они поют перед народом,
И, чуя близость божества,
Народ вникает в их слова.
И тишина вокруг ложится,

И в этой мертвой тишине
Смолкает тень вереница
И исчезает в глубине.

Еще меж правдой и обманом
Блуждает мысль в сомненье
странном,

Но сердце, ужасом полно,
Незримой властью смущено.
Ясна лишь сердцу человека,
Но скрытая при свете дня,
Клубок судьбы она от века
Плетет, преступников казня.

И вдруг услышали все гости,
Как кто-то вскрикнул на помосте:
«Взгляни на небо, Тимофей,
Накликал Ивик журавлей!»
И небо вдруг покрылось мглою,
И над театром сквозь туман
Промчался низко над землею
Пернатых грозный караван.

«Что? Ивик, он сказал?» И снова
Амфитеатр гудит сурово,
И, поднимаясь, весь народ
Из уст в уста передает:
«Наш бедный Ивик, брат невинный,
Кого убил презренный тать!
При виде стаи журавлиной
Что этот гость хотел сказать?»

И вдруг, как молния, средь гула
В сердцах догадка промелькнула,
И в ужасе народ твердит:
«Свершилось мщенье Эвменид!
Убийца кроткого поэта
Себя нам выдал самого!
К суду того, кто молвил это,
И с ним — приспешника его!»

И так всего одно лишь слово
Убийцу уличило злого,
И два злодея, смущены,
Не отрекались от вины.
И тут же, схваченные вместе
И усмиренные с трудом —
Добыча праведная мести, —
Они предстали пред судом.

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА

А н д р о м а х а

Гектор в бой идет кровавый,
Где Ахилл, увенчан громкой славой,
В честь Патрокла поднял грозный меч.

Если ты умрешь на поле боя,
Кто дитя научит дорогое
Чтить богов и родину беречь?

Гектор

Милый друг, к чему твои рыдания?
Мчаться в бой — одно мое желание:
Эти длани защитят Пергам!
Пусть паду я мертвым на ступени
храма,
Но, спасая честь Пергама,
Край родной врагу я не отдам!

Андромаха

Ах, не видеть жизни мне счастливой,
Праздно ляжет меч твой сиротливый,
С ним погибнет весь Приамов
род!
В том краю, где катит Лета,
Ты мой плач оставишь без ответа,
И любовь твоя умрет!

Гектор

Все, что было в жизни мне отраднo,
Канет в Лету, друг мой, безвозвратнo.
Не умрет одна любовь!

Чу! Дикарь бушует на пороге!
Дай мне меч, супруга, брось
тревоги!
Будет вечно жить моя любовь!

ПОРУКА

1

Раз к Дионису-тирану вбежал
Мёрос, любимец народа,
Но схвачен был стражей у входа.
— Зачем в плаще у тебя кинжал? —
Спросил его царь, и герой сказал:
— Тирана хотел наказать я!
— Злодей! Ты достоин распятья!

2

— О царь, я знаю — ты нравом жесток, —
Ответил Мёрос тирану, —
Молить я о жизни не стану,
Но дай, прошу, трехдневный мне срок,
Чтоб свадьбу сестры я отпраздновать мог.
Мой друг за меня поручится,
И к казни готов я явиться.

3

И вот, поднимая насмешливый взгляд,
Тиран сказал, торжествуя:
— Три дня тебе подарю я,
Но помни: как только они пролетят
И ты не вернешься ко мне назад,
Я друга пошлю на мученья
В ответ за твои преступленья.

4

Вот пришел он к другу. — Печален мой рок!
У входа стражей я схвачен,
И крест мне для пытки назначен,
Но дал Дионис мне трехдневный срок,
Чтоб свадьбу сестры я отпраздновать мог,
И вот теперь нужна мне услуга:
Дать я должен в заложники друга.

5

И молча его обнимает друг
И радостно входит в темницу,
И он покидает столицу.
Вот с девой обвенчан молодой супруг,
Третий день настает, больше ждать
недосуг,
И Мёрос, полный тревоги,
Обратно спешит по дороге.

6

Но тут свергается ливень с высот,
И ветер бушует, и буря ревет,
И в горах зашумели потоки.
Он вернуться к ночи обязан назад,
Но мост через речку сорвал водопад,
И с громом в бурные воды,
Разрушаясь, падают своды.

7

И бродит по берегу он, убог,
О помощи громко взывая,
Но безлюдна долина немая.
Никто ему не подаст челнок.
Чтоб с веслом в руке пересечь поток,
А волны бьют на просторе
И шумит река, словно море.

8

И пал он, рыдая, на дикий гранит
И руки воздел к небосводу:
— О Зевс! Усмири непогоду!
Часы пролетают, и солнце стоит
В зените, и лишь оно догорит —
Ответит мой друг за поруку
И примет смертную муку.

9

Но ветер все крепнет над шумной рекой
И волны на волны вздымает,
И небо мольбам не внимает.
Но спорит с судьбой пловец молодой,
И в волны кидается вниз головой,
И в яростном шуме потока
Плывет, уповая на бога.

10

Вот на берег он вышел и дальше спешит,
Шагая неведомым полем,
И вдруг, потрясая дрекольем,
Навстречу разбойников шайка бежит,
И стрелы мечет, и в рог трубит,
И с криком его окружает,
И смертью ему угрожает.

11

О, сжальтесь, — плачет он, — я слаб
и наг!

О жизни одной вас молю я:
Отдать ее должен царю я. —
И, схватив дубину, он бьется так,
Что, дрожа от страха, бежит враг,
И трое, оставшись на месте,
Напрасно зывают о мести.

12

Но томит его жажда, и, полон тоски,
Он еле идет по дороге,
И ноют усталые ноги.
— Ты спас меня, боже, от злой руки,
Ты не бросил меня посредине реки,
Но гибну я, жаждой томимый,
И в опасности друг мой любимый!

13

Но чу! Меж голых камней на миг
Блеснула кристальная влага,
И в сердце проснулась отвага.
И кинулся он, и к воде приник,
И звонко лепечет, и бьется,
И серебряным смехом смеется.

14

Меркнет свет дневной, и спадает
зной,
И там, где луг золотится,
Уж тень от деревьев ложится.
И встречает путников он порой,
И дальше идет он, спеша домой,
И вдруг голоса долетают:
— Его уж на крест поднимают.

15

Все быстрее бежит он, исполнен
забот,
И страхом душа объята,
И вот под лучами заката
У врат сиракузских толпится народ,
И навстречу ему Филострат идет —
Хранитель его имений,
Кричит он, упав на колени:

16

— Назад! Ты к казни своей опоздал!
Уж солнце давно догорает,
Твой друг на кресте умирает!
Он с часу на час избавления ждал,
Он верил в спасенье и духом не пал,
И, слыша насмешки тирана,
Он славил тебя неустанно!

17

И вот раздается печальный ответ:
— Коль друга спасти я не в силе,
В одной нас зароят могиле,
Пусть знает тиран, что средь горя
и бед
Меж друзьями коварных изменников нет
И смерть мы встречаем оба,
Друг другу верны до гроба.

18

Он к воротам подходит — весь запад
в огне —
И видит крест пред собою,
Окруженный пестрой толпою,
Вот уж друга вздымает палач на ремне,
Но несется неистовый крик в тишине:
— Эй, стойте! Вот я! Вернулся! —
И, вздрогнув, народ ужаснулся.

19

И встречает его любимый друг,
Простирая другу объятия,
И плачут они, словно братья.
И люди рыдают, толпясь вокруг,
И к царю они посылают слуг,
И царь, пораженный их вестью,
Друзей принимает с честью.

20

И смотрит на них, умилен душой,
И молвит: — В великой гордыне
Не верил я вам доньше.
Но коль дружба для вас — не звук пустой,
Идите с миром к себе домой,
А я о вас не забуду
И третьим другом вам буду.

Мейергофер *

МЕМНОН

Судьбы моей печален приговор.
Я глух и нем, пока в тумане горы.
Но лишь блеснет пурпурный луч Авроры,
С пустыней я вступаю в разговор.

Как легкий вздох гармонии живой,
Звучит мой голос скорбно и уныло.
Поэзии волшебное горнило
Миротворит мой пламень роковой.

Я ничего не вижу впереди,
Лишь смерть ко мне протягивает длани.
Но змеи безрассудных упований
Еще живут и мечутся в груди.

С тобой, заря, увы, с одной тобой
Хотел бы я покинуть эти своды,
Чтоб в час любви из ясных недр свободы
Блеснуть над миром трепетной звездой.

* Малоизвестный австрийский поэт. Годы жизни неизвестны.

Фридрих Рюккерт

(1788—1866)

ПЕСНЬ СТАРЦА

Пусть белый снег кружится
Перед окном,
Морозов не боится
Мой старый дом.

Пусть голова под старость
Белым-бела,
Не гаснет в сердце радость
И жизнь мила.

Пусть вянут розы мая,
Но в эти дни
Во мне, не умирая,
Живут они.

Пускай метель кружится
Среди полей —
Живой родник струится
В душе моей.

Пускай умолкли птицы
Давным-давно,
Всю ночь стучит синица
В мое окно:

«Ты жив ли, мой наставник?
Зима кругом!
Закрой покрепче ставни,
Запри свой дом.

Запри уединенный
Свой старый дом,
Засни, замороженный
Волшебным сном!»

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Умберто Саба

(1883—1957)

МОЕ ДОСТОЯНИЕ

Причалив после яростного шторма
К приветливому дружескому дому,
Я подхожу, теперь уже свободный,
К раскрытому окну и наблюдаю,
Как в облаках белеет рог луны.

Передо мной Палаццо Питти. Лезут
Мне в голову бесплодные вопросы:
Зачем живу? И что теперь мне делать,
Когда я стар, а в мире обновленье,
Когда в руинах прошлых дней стремленье,
А сам я на поверку оказался
Слабее ужасающих событий?
Я верил в смерть, что все она развяжет,
Теперь и в смерть не слишком верю я.

Был у меня огромный мир, и в мире —
Места, где я спасался. В них я видел
Так много света, что и сам порою
Вдруг становился светом. Друг мой юный,
Любимейший из всех моих друзей,
Почти мой сын! Ведь я не знаю даже,
Где ты теперь? И жив ли ты? Как часто
Я думаю, что ты в плену могилы,

Что ты в руках фашистов! И тогда я
Стыжусь себя. Зачем мне эта пища
И этот кров, поистине любимый?
Все отнял у меня фашист неумолимый!
И гитлеровец-враг.

Был у меня очаг, семья, подруга —
Любимая приветливая Лина.
Она жива еще и неповинна
В том, что желает отдыха, хотя ей
Как будто рано думать о покое.
И как мне страшно видеть, что она
Скитается по чуждым семьям, кормит
Сухими щепками чужие очаги!
От угрызений совести, от горя
Я содрогаюсь в скорби нестерпимой...
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.

Имел я дочь. Теперь она большая.
Я дал ей сердца лучшую частицу,
Но и ее, любовь мою, царицу,
Похитили несчастья у меня.
Теперь она во мне одном находит
Причину всех своих грехов, не смотрит
В глаза мои и ходит нелюдимой...
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.

Я жил в прекрасном городе, который
Лежит у моря возле гор скалистых.
То был мой город, ибо я родился

В его стенах. Мой — больше всех других!
Еще когда-то, будучи мальчишкой,
Я чтил его, а сделавшись поэтом,
Его в стихах с Италией венчал.
А жить-то нужно! Вот я и избрал
Зло наименьшее, и стал я антикваром
По части книг, несчастный и гонимый...
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.

И кладбище имел я, на котором
Спит мать моя с своими стариками.
О, сколько раз, преодолев сомненья,
Искал я там себе успокоенья!
Но дни изгнания, лишения и утрат
Закрыли путь к земле моей родимой...
Все отнял у меня фашист неумолимый
И гитлеровец-враг.
Всё! Даже и могилу.

ПАОЛИНА

Паолина,
друг мой Паолина,
ты, как луч внезапный солнца,
жизнь мою пронзила.
Кто же ты? Едва знакомый, я дрожу от счастья,
лишь тебя увижу рядом. Кто же ты? Вчера лишь
я спросил: «Скажите ваше имя, синьорина!»
Ты задумчиво взглянула,
молвив: «Паолина».

Паолина,
плод земли родимой,
бестелесная и вместе —
самая земная,
ты родилась там, где только и могла родиться, —
в этом городе чудесном, где я родился,
над которым, что ни вечер, ходят в небе зори —
свет божественный, обманный,
испаренье моря.

Паолина,
друг мой Паолина,
что ты носишь в юном сердце,
чистая душою?
О тебе мое мечтанье так же непорочно,
словно легкий след дыхания в зеркале прозрачном.
Вся, какая есть, ты — счастье. Словно паутина
ореол волос прекрасных. Девушка и ангел,
друг мой Паолина!

ЧЕМПИОНКА ПО ПЛАВАНИЮ

Люди, тебя увидевшие в море, тебя называют
Сиреной.

Ты, победившая в соревнованье,
в горестной жизни моей, как на тусклом экране,
то появляешься вдруг, то исчезаешь внезапно.
Связан с тобой я хоть тонкой, но крепкой
ниточкой — в час, когда ты, улыбаясь,
мимо проходишь, не видя меня.

Много подруг и друзей окружает тебя на прогулке,
юные, вы собираетесь в баре
и веселитесь, и только однажды
скорбная тень на мгновение тебя омрачила
и уголки твоих губ опустились на миг:
тень твоей матери встала на миг пред тобою,
тень, повенчавшая утро твое с моею вечерней
порою.

ТРИ УЛИЦЫ

Ладзаретто Веккио в Триесте —
Улица печали и обид.
Все дома в убогом этом месте
Сходны с богадельнями на вид.
Скучно здесь: ни шума, ни веселья,
Только море плещет вдалеке.
Загрустив, как в зеркале, досель я
Отражаюсь в этом уголке.
Магазины вечно пустоваты,
Здесь лекарством пахнет и смолой.
Продают здесь сети и канаты
Для судов. Над лавкою одной
Виден флаг. Он — вывески замена.
За окном, куда не бросит взгляд
Ни один прохожий, неизменно
За шитьем работницы сидят.
Словно отбывая наказанье,
Узницы страданий и мытарств,
Шьют они здесь ради пропитанья
Расписные флаги государств.

Только встанет день на горизонте —
Сколько в нем я скорби узнаю!
Есть в Триесте улица дель Монте
С синагогой на одном краю
И с высоким монастырским зданьем
На другом. Меж ними лишь дома
Да часовня. Если же мы взглянем,
Обернувшись с этого холма,
Мы увидим черный блеск природы,
Море с пароходами, и мыс,
И навесы рынка, и проходы,
И народ, снующий вверх и вниз.
Есть в начале этого подъема
Кладбище старинное, и мне
С детских лет то кладбище знакомо.
Никого уж в этой стороне
Больше не хоронят. Катафалки
Здесь не появляются с тех пор,
Как себя я помню. Бедный, жалкий
Уголок у края этих гор!
После всех печалей и страданий,
И лицом и духом двойники,
Здесь лежат в покое и молчанье
И мои родные старики.

Как не чтить за памятники эти
Улицу дель Монте! Но взгляни,
Как взывает улица Росетти
О любви и счастье в эти дни!
Тихая зеленая окраина,
Превращаясь в город с каждым днем,

До сих пор она необычайна
В украшенье лиственном своем.
До сих пор в ней есть очарованье
Стародавних загородных вилл...
И любой, кто осенью с гулянья
На нее случайно заходил
В поздний час, когда все окна настежь,
А на подоконнике с шитьем
Непрменно девушку застанешь,
Помышлял, наверное, о том,
Что она, избранница, с любовью
Ждет к себе его лишь одного,
Обещая счастье и здоровье
И ему и первенцу его.

Анджело Мария Рипеллино
(род. в 1923 году)

* * *

Нет, я не говорил, что одинок я в мире,
Как кукла Шлеммера.
Подобно покрывалам
Надвинув жалюзи на старческие лица,
Меня по-дружески приветствуют дома.

Нет, я не говорил, что я изнемогаю,
Как дерево под острою пилою,
Но звезды от меня скрываются внезапно,
Когда ищу я искорку огня.

Нет, я не утверждал, что я всегда печален,
Что я — опустошенная бутылка,
Но с давних пор я знаю, что источник
Внезапно высыхает и мелеет,
Когда напиток вздумается мне.

И я не говорил, что счастлив я, подобно
Пионам, установленным в шпалеры, —
Почуяв плеск лебяжьих крыльев счастья,
Я не умею счастья удержать.

Да, я молчал, но каждый понимает,
Что я всем сердцем обожаю жизнь.

* * *

Пришел февраль огромный, бородатый.
Над каждым листиком, над каждой малой птицей
Он плачет и томится, словно Горький.
Я весь опутан крыльями газет,
Распластанных по комнате. Я вижу
Сквозь строки надоевшего дождя
Оскаленную пропасть океана,
Землетрясения дальние и снег,
Подобный белым клавишам рояля.
Я вижу пушки, вижу их огонь,
Я замечаю строй марионеток,
Передвигающих орудья, чтобы дым
Клубами опускался на дорогу.
И нет мне радости от тех газетных крыл:
Убит дождем словесной схватки пыл.
Под завыванья желтых хроникеров
Жизнь скорчилась в гримасе, и томится,
Засосанная липкою трясиной,
О лучшем мире пленная мечта.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

В зеленых хижинах смеются дети Альп,
Когда, цепляясь за бинты тумана,
Вороний крик несется по долине.
В ущелье отдается гром реки —
То влажный конь через плотину скачет
И потрясает пенистой гривой.
Внимая переключке воробьев

На проводах и в воздухе холодном,
В зеленых хижинах смеются дети Альп,
Смеются листья тыквы и большие
Глава подсолнечников, налитые блеском,
И маки на мохнатых стебельках,
Подобные фонарикам пунцовым.
Надев чулки, все в кисточках и лентах,
Подмигивает горное селенье,
И рой зонтов, надутых свежим ветром,
Смеется в отдыхающих руках.
И лишь четыре борова, которых
Сегодня здесь заколют на обед,
Ревут и стонут, и веселый праздник
Нарушен этим судорожным воем...

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Вальтер Скотт

(1771—1832)

ПЕСНЬ ЭЛЕН

ИЗ «ДЕВЫ ОЗЕРА»

Славься, воин! Кончен бой,
Враг разбит на поле брани.
Сладок будет отдых твой
Лунной ночью на поляне.

Чудной властью сновиденья
В край чудесный унесен,
Ты услышишь духов пенье
И волшебной арфы звон.

Феи нежными крылами
Будут сон твой охранять,
Белоснежными цветами
Поле битвы осыпать.

Ни раскаты барабанов,
Ни волынок дикий вой
Посреди ночных туманов
Не нарушат твой покой.

Грохот битвы, шум сражений,
Конский топот, ратный труд

Не спугнут твоих видений,
Глаз твоих не разомкнут.

Только утром в час денницы
Ветер песню запоем
Да поднимут гомон птицы
В тростниках среди болот.

Враг разбит на поле брани.
Славься, воин! Кончен бой.
Лунной ночью на поляне
Сладок будет отдых твой.

СОЛОВЕЙ

**Стихи зарубежных поэтов
в переводе
Михаила Исаковского**

ИЗ ЮГОСЛАВСКОЙ ПОЭЗИИ

Сербский эпос

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И БЕГ КОСТАДИН

По дороге едет бег Костадин,
Едет рядом с побратимом Марко.
Бег Костадин молвит побратиму:
«Побратим мой, Королевич Марко,
Коль ко мне ты в гости соберешься,
В день Димитров, осенью, приедешь
Имя крестное мое прославить,
Ты увидишь честь и уваженье,
И найдешь ты дружескую встречу,
И на славу будет угощенье».

Отвечает Королевич Марко:
«Не хвалился б ты своею встречей:
Как искал я брата Андрияша,
Я заехал на твое подворье,
В день Димитров, осенью, заехал
Имя крестное твое прославить,
Я увидел, что это за встреча,
Три твоих я мерзости увидел».

Бег Костадин спрашивает Марко:
«Где, какие мерзости ты видел,
Объясни мне, Королевич Марко».

Отвечает Королевич Марко:
«Мерзость видел первую такую:
Две сиротки в дом твой постучались,

Белым хлебом, бедных, накормить бы
Да вином бы красным напоить их.
Ты ж на них, несчастных, раскричался:
«Убирайтесь, грязные поганцы,
Не поганьте вин и яств господских».
И тогда мне стало жалко нищих,
Жалко, бег, мне стало двух сироток.
Подошел я к двум сироткам бедным
И повел их прямо на подворье,
Накормил их вдоволь белым хлебом,
Напоил их и вином я красным.
Я одел обоих в алый бархат,
В алый бархат, в новый шелк зеленый
И послал к тебе во двор твой белый.
Сам следил за ними из укрытья —
Как теперь ты сиротинок примешь.
На руки ты взял сироток бедных,
Одного на левую взял руку,
На руку на правую — другого,
Усадил их за столом богатым:
«Ешьте, пейте, княжеские дети!»
Я увидел и вторую мерзость:
Посадил ты старую господу,
Что свое богатство потеряла,
Что ходила в бархате потертом,
Посадил ты всю в конце застолья,
Ну а всю недавнюю господу,
Что недавно лишь разбогатела
И ходила в бархате нарядном,
Усадил ты всю на главном месте,
Выставлял и ракию и вина,
Угощал их сладостями щедро.

Мерзость третью видел я такую:
Для отца, для матери родимой
Не нашлось в твоём застолье места,
Чтобы чашу первую им выпить».

КОРОЛЕВИЧ МАРКО ПАШЕТ

Сел вино пить Королевич Марко
С Евросимой — матерью своею,
И когда они напились вдоволь,
Евросима говорит юнаку:
«О сынок мой, Королевич Марко!
Ты набегу прекрати лихие,
Зло добра вовеки не приносит,
И твои кровавые рубашки
Мне стирать, старухе, надоело.
Лучше б, Марко, ты ходил за плугом
Да пахал бы горы и долины,
Сеял бы кормилицу-пшеницу,
Вот и были б мы с тобою сыты!»

Марко мать послушался родную,
Взял волов и выехал на пашню,
Но ни гор он, ни долин не пашет,
Пашет он султанские дороги.
Едут мимо турки-янычары
И везут на трех возах богатство.
Закричали янычары Марко:
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!»
«Эй вы, турки, не топчите пашню!»
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!»
«Эй вы, турки, не топчите пашню!»

Спорить с ними Марко надоело,
Плуг с волами поднял Королевич,
Перебил турецких янычаров,
Три повозки взял у них с богатством
И отнес их матери-старухе:
«Для тебя я выпахал сегодня».

СЕСТРА ОСВОБОЖДАЕТ БРАТА

Получили в Дубице бумагу:
Чтоб собрались парни-дубичане,
Чтобы шли они к султану в войско.
Провожают мать с отцом сыночка,
Брат с сестрою провожают брата,
Йована ж никто не провожает,
Лишь одна сестра его родная.
Проводили все до полдороги,
С полдороги стали возвращаться.
Не вернулась Йована сестрица,
А до синя моря проводила,
Как на берег на морской ступила,
Все слезами море замутила,
Плачем лодки все остановила.
Турки в час тот милостивы были,
Меж собою тихо говорили:
«Боже правый, мы отпустим брата,
Брата милого вернем сестрице,
Может, море снова отстоится,
Снова лодки двинутся по морю».
Брата милого к сестре пустили,

Сразу же все море посветлело,
Сразу лодки легкие поплыли.
Скрылись лодки, и ушел с сестрою
Йован, громко песню распевая.

ДЕВУШКА-БЕГЛЯНКА

Убежала девушка от Иво
В первую же ночь с постели мягкой —
Сон, как видно, обманул красавца.
Лишь на третью ночь проснулся Иво.
Он проснулся, смотрит, удивленный:
На постели нет его любимой.
Иво быстрым соколом помчался,
К шурина он в двери постучался:
«Шурин мой, скорей открой мне двери,
От меня сестра твоя сбежала!»
Шурин тихо отвечает Иво:
«Кто же спит, коль дорогая рядом, —
Спят тогда лишь, когда сено косят».

ИВАН-АГА

Сел вино пить Иван-ага сладкий,
Пьет его из чаши благородно,
Видно, как оно по горлу льется,
В сахарных устах золотая чаша.
Девушки сараевские с лаской
Говорят, на Иван-агу глядя:
«Ты послушай, сладкий Иван-ага,

Если б ты в Сараеве остался,
Мы б тебе полгорода отдали
И отдали б лучшую невесту».
Отвечает сладкий Иван-ага:
«Не остался б, девушки, я с вами,
Хоть бы все Сараево отдали
И вдобавок — лучшую невесту,
Потому что лучшую из лучших
В Дрвенте у хозяина я встретил.
У него три девушки прекрасных,
Мне дороже та, что всех моложе,
И отцу она милее тоже;
Он зовет ее любимой дочкой,
Мать зовет ее любимой Марой,
Брат зовет любимую сестрою,
Девушки — любимую подругой,
Я, юнак, зовут любимым сердцем.
Как я в путь-дорогу собирался,
Это сердце друга провожало,
Это сердце мне наказ давало:
«Поскорее возвращайся, Иво,
Не гости в Сараеве ты долго».

КУНА ХАСАН-АГА

На коня сел Куна Хасан-ага,
Стройной елке говорил он тихо:
«Разболелась голова у Куны».
«В том не я ли, елка, виновата?»
«На тебя не говорю я, е л к а, —
В трех красивых девушках причина.

В первой, е л к а , — белой да румяной,
Во второй — и стройной и высокой,
И в последней — с черными глазами.
Как от той ли — стройной и высокой —
Заболела голова у Куны;
От другой же — белой да румяной —
Заболела голова и сердце;
А от той, что с черными глазами,
Елка, елка, я, юнак, погибну».

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР ИВО И ТОНКОПРЯХА АНА

Рядышком два города белеют,
Белый Яйце и Езерце белый.
В Яйце — Иво, золотых дел мастер,
А в Езерце — тонкопряха Ана.
Мастер Иво наказал однажды,
Чтоб в Езерце передали пряхе:
«Свет мой, сердце, езеркиня Ана,
Слышал я — прядешь ты очень тонко,
Слышать слышал, только сам не видел.
Ана, дам тебе одно повесмо *,
Девять к свадьбе ты спряди подарков
И еще рубашку мне на свадьбу».
Рассудила тонкопряха Ана,
Золотых дел мастеру сказала:
«Свет мой, сердце, золотых дел мастер,

* Повесмо — горсть, пучок обработанного льна, то есть такое его количество, которое можно обхватить пальцами одной руки.

Слышала я — мастер ты искусный,
Слышала, а дела не видала.
Дам тебе я золотую пару *,
Золотую пару с белой шеи,
Выкуй пяльцы и вдобавок прялку.
Если же останется немного,
Сделай, Иво, токи золотые.

* Пара — денежная единица, довольно мелкая.

Йован Йованович-Змай

(1833—1904)

ДЕВУШКА С ПРИМОРЬЯ

(Приморянка)

То ли всходит в небе солнце,
То ль оно заходит —
Приморянка молодая
Возле моря бродит.

На дорогу глянет — пусто,
Тихо, одиноко...
Друг ее — солдат — отсюда
В путь ушел далекий.

Нет его еще. В тревоге
Думы мчатся к другу.
Это место свято: здесь он,
Здесь пожал ей руку;

Здесь и до сих пор ей слышно
Над морской волною:
«Верь мне, любя, мать ребенка
Нашего с тобою!..»

Все на море смотрит любя,
А на любя — море:
Свыклись, сблизилась друг с дружкой
И живут не споря.

Море то приливом дышит,
То прилив на убыль —
Точно так же, точно так же,
Как и грудь у любви.

Ветерок, играя с морем,
Тихо набегает —
Точно так же, точно так же
И она вздыхает.

Отличить нельзя от ветра
Вздохов тех несмелых.
Им летят навстречу стаи
Черных птиц и белых.

Корабли вдали проходят,
И на них похоже
Морем снов ее надежды
Проплывают тоже.

Подружилась с синим морем
В думах, в снах, в мечтаньях,
Породнилась с синим морем
В долгих ожиданиях.

Носит девушка под сердцем
Воина живого.
А на дне скрывает море
Мертвого — другого.

ДЕВЯСИЛ *

Девясил — траву здоровья —
В ночь русалка поливает.
Девясил — слышать в народе —
Девять сил в себе скрывает.

Волшебством своим, русалка,
Обаяньем, сердцу милым,
Ты полей и эту песню,
Что назвал я Девясилом:

Может, эта песня рану
Сыну Сербии прикроет
И хотя бы на мгновенье
Боль и муку успокоит.

* Девясил — трава, употреблявшаяся и употребляемая в медицине, в том числе в медицине народной.

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

Народные песни и баллады

ПАЛКО ЧИНОМ

(Песня куруцев *)

Палко Чином, Янко Чином,
Карабин мой костяной,
Патронташ мой шелковистый,
Пистолет мой нарезной!

Выпьем, храбрые солдаты,
На здоровье по одной,
Выпьем, спляшем, погуляем —
Кто с невестой, кто с женой!

Для печали нет причины —
Нынче в Альфельд ** мы идем,
Чванных немцев-иноземцев
Расколотим, разобьем!

Между Тисой и Дунаем
Путь свободен, друг-солдат!
Если ж немца повстречаем —
Значит, сам он виноват.

* Куруцы — участники антигабсбургского движения в конце XVII — начале XVIII вв.

** Альфельд — Большая Венгерская низменность.

Мы покажем иноземцам,
Мы докажем им в бою
Силу нашего народа,
Честь солдатскую свою.

Улепetyвает немец,
Даже бросил свой фитиль.
Шляпа — старый гриб червивый —
С головы слетает в пыль.

Храбрый куруц не боится,
Не страшится ничего.
Он в отличном доломане,
Конь горячий у него.

У него сверкают шпоры
Да на красных сапогах.
Если ж он обут и в лапти,
То портянки — в жемчугах.

Сабля золотом покрыта —
Солнца ясного ясней.
Из куницы шапка сшита,
И звезда видна на ней.

Куруц — бархат драгоценный,
Изумруд — жена его.
Немец — тряпка. А женою —
Лихорадка у него.

Пусть же немцы уберутся
Поскорее с наших глаз.

«Что за мир, когда в изгнание,
В край чужой солдат идет.
Если мать о нем и плачет,
То народ его клянет.

Что за мир, коль нет приюта
Для солдата, для бойца.
Только горы, только скалы,
Только темные леса.

Нашу скорбную дорогу
Заметает листопад,
И оплакивают птицы
Нашу славу, друг-солдат.

Я уйду — и не узнать вам,
Где, в какой я стороне,
А узнали б, так, наверно,
Тоже плакали б по мне.

Я возьму поводья в руки,
Ногу в стремя я вложу:
Из родного края в Польшу
Ухожу я, ухожу.

Бог с тобой, земля родная,
Что ты стала вдруг чужой.
Но одну тебя люблю я
Всею кровью, всей душой».

Так он с родиной простился,
Нет ему пути назад.

Под печальный шум деревьев
Едет изгнанный солдат.

Пусть же тень его укроет,
Пусть тропа его ведет;
Пусть хотя б в воспоминаньях
Утешенье он найдет!

*

Эту песню мы сложили
Там — над Ужем над рекой,
В час, когда мы уходили,
Покидая край родной.

РАКОЦИ * В ИЗГНАНИИ

Возле Мункачской крепости
Он стоит над рекою,
На палаш опирается
Правой рукою;
На палаш опирается
Правой рукою,
Он зовет барабанщика
Речью такую:

«Эй, барабанщик мой,
Эй, барабанщик мой,
Мой барабанщик придворный!
Брось барабанить немецкое «Марш!» —

* Ракоци П., Ференц (1676—1735) — руководитель освободительной борьбы в Венгрии против габсбургского владычества.

«Райта!» * давай мне, «Райта!»,
«Райта!» Пусть черт с тебя
Шкуру сдерет!
Что б ни случилось —
«Райта!» Вперед!
Что бы ни встретилось —
Только вперед!

Бей, чтоб все дрожало,
Бей ударом твердым,
Чтобы слышно было
И живым и мертвым!
Чтоб и те, что пали,
«Райта!» повторяли...

О мои соратники,
С кем я шел к победе —
Берчени и Боттян,
Пекри, Безереди, —
Все вперед за мной
На последний бой...»

Туманы ложатся
На Майтенском поле,
И грудь разорваться
Готова от боли,
От скорби и боли...
Гремит барабанщик,
Вперед призывает,
А войско, а войско

* Райта — вперед (*венг.*).

Знамена склоняет;
На Майтенском поле
Склоняет и плачет...
«Эх, Карои, Карои *,
Что это значит?!

Эх, Карои, Карои,
Как это случилось?
Куда мое войско,
Куда подевалось?
Ты должен ответить,
Ты в верности клялся!
Зачем же, зачем же
Ты недругам сдался?
Ты продал, ты предал
Меня и победу!

Ты продал, ты предал,
Подобно Иуде.
Тебя проклянут
Настоящие люди —
Соратники Эссе **,
И Андраша Боне ***,
И дети их — тоже!..

* Карои, Шандор (1668—1743) командовал войсками повстанцев в Венгрии, потом предал их и, пользуясь отсутствием Ференца Ракоци, вступил в 1711 г. в соглашение с Габсбургами.

** Эссе, Тамаш (1666—1708) — соратник Ференца Ракоци II, наиболее последовательно отстаивавший интересы крестьянства.

*** Боне, Андраш (1665—1707) — один из полководцев в армии Ференца Ракоци II.

Мне места здесь нету,
Уйду я, уеду!
Пора отправляться,
Пора мне прощаться...
Кузнец мой, кузнец мой,
Придворный кузнец мой!
Готовь мою лошадь
К дороге суровой:
Ты задом наперед
Поставь ей подковы —
Чтоб ей не вернуться
И мне б не вернуться...

Народ мой родимый,
Народ мой любимый,
Спаси тебя боже!
Придавлен мой Патак
Немецкой пятою.
Мой Мункач, не встречусь
Я больше с тобою.
Не встречусь, не встречусь.

Прекрасную Венгрию,
Землю родную,
Вовек не увижу,
Вовек не услышу...

О Венгрия, Венгрия,
Край животворный,
Не раз тебе вспомнится
Час этот скорбный.
Как тяжело и больно

Ярмо чужеземца!..
Я — сын твой и вождь твой —
Навек уезжаю,
И с плачем ты смотришь,
Меня провожая,
Ты смотришь и плачешь...

Дорог я Венгрии,
Дорог я Эрдею.
Жалко меня им,
Жалко до смерти.
Даже когда я
В земле уже буду —
Даже тогда
Обо мне не забудут.
Будут оплакивать
И на погосте
Будут искать,
Собирать мои кости,
Кости истлевшие...

Там, где раскинулось
Море, бушуя,
Меркнет звезда моя —
Там и умру я...»
Грустно вдали
Барабан отбивает,
Он уж вперед не зовет,
Не зовет он вперед,
А рыдает:
«Родная земля моя,

Скорбная Венгрия,
Теперь уж прощай!
Теперь уж прощай!..»

ЖЕНА КАМЕНЩИКА КЕЛЕМЕНА

Было их, было двенадцать по счету,
Каждый на крепости Дэва работал,
Стены из камня они воздвигали,
Только те стены недолго стояли:
За день поставят — разрушатся ночью,
За ночь поставят — разрушатся утром.

Келемен дал нерушимое слово:
— Чья бы жена ни явилася первой —
Камнем обложим ее, замуруем
И обожжем, чтоб, скрепленная кровью,
Наша твердыня стояла вовеки...

Келемен видит: жена его первой
К крепости Дэва несет ему завтрак,
На голове поместила корзинку,
А на руках ее малый ребенок...

«Господи, господи! Лютого зверя
Ты перед нею поставь на дороге —
Может, вернется...»
Но нет, не вернулась.

«Господи, господи! Пусть ее лучше
Каменный дождь осыпает из тучи —

Может, вернется...»
Но нет, не вернулась.

— Здравствуйте, здравствуйте, добрые люди!..
Боже мой, боже мой! Что это значит?
Всем поклонилась, а вы — как немые...

— Келемен, муж твой, дал клятву такую:
«Чья бы жена ни явилась первой —
Камнем обложим ее, замуруем
И обожжем...»
Ты явилась первой.

— Что ж, если он меня так ненавидит,
Я соглашаюсь...

Сняли корзинку и взяли малютку,
Стали закладывать женщину камнем:
Скрылись колени — считала за шутку,
Скрылся живот — посчитала за глупость,
Грудь заложили — поверила: правда!

— Мальчик мой! Люди тебя не оставят:
Добрая женщина грудью накормит,
Добрые дети с тобой поиграют,
Птицы тебя убаюкают пеньем,
Мальчик мой милый!..

— Где моя мама, отец мой, отец мой?
— Полно, малютка, воротится к ночи.
Ночь наступила, а матери нету.
— Где ж моя мама, отец мой, отец мой?

— Полно, сыночек, под утро вернется.
Утро проходит, а матери нету...
Умерли оба...

ЖЕНА ИШТВАНА ГЕРГЁ

— Ты отпусти меня, муж мой любезный,
Ты отпусти меня нынче в дорогу:
Младшую дочку хочу навестить я —
Бедных она, говорят, не жалеет.

Вот и отправилась, как загадала,
Вот и слугу у ворот увидала.

— Добрый слуга, попроси ты хозяйку —
Может быть, даст она бедной старухе
Хлеба кусок и позволит напиться?

— Барыня, добрая барыня наша,
Там у ворот ожидает старуха,
Может, вы хлеба немного дадите,
Может, напиться вы ей разрешите?

— Нищенке хлеба?! Да я его лучше
Брошу собаке своею рукою.
Нищенке воду? Да лучше в хоромях
Тою водою полы я помою.

— Добрая барыня, где вы родились?
Дочерью чьей до замужества были?

— Младшею дочерью Иштвана Гергё.

— Были вы дочерью Иштвана Гергё,
Я же ему прихожуся женою.

— Матушка, я же тебя не узнала!
Что ж ты стоишь? Заходи поскорее!
Вкусный обед я велю приготовить,
Лучшую дам для тебя я рубаху,
Дам я хоромы тебе расписные,
Дам я тебе дорогую коляску,
Будешь кататься ты в ней шестернею.

— Пусть твой обед пожирают собаки,
Пусть унесет ураганом рубаху,
Пусть твой дворец от пожара погибнет,
Пусть твои лошади сдохнут от мора,
Ржа дорогую коляску покроет!
Крохи одной от тебя не приму я,
Ты и сама не нужна мне такая!

КАТА КАДАР

Мартон Дьюла — Катю Кадар,
Дочь родную крепостного,
С первых встреч и с первых взглядов
Полюбил и дал ей слово.

«Мать родная, мать родная,
Дорогая!
Окажите,кажите
Милость мне большую:

Взять женою разрешите
Кату Кадар — крепостную».

«Не могу я дать такого
Позволения сыну,
Ты венчайся, Мартон Дьюла,
С дочкой дворянина».

«Нет, не надо мне, не надо
Дочку дворянина:
Полюбил я Кату Кадар —
Разве ж я покину?»

«Если так, то я отвечу —
Не раскаюсь:
От тебя я, Мартон Дьюла,
Отрекаюсь!»

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
Готовь мне карету —
Поеду скитаться
По белому свету».

Отъезжает Мартон, Ката смотрит в очи
И ему на память
Дарит свой платочек:

«Если мой платочек цветом станет
красный,
Знай, что изменился жребий мой
несчастный».

Едет Мартон Дьюла,
Едет на чужбину,
Скачет днем и ночью.
Среди леса вынул
Мартон тот платочек.

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
Назад — поскорее,
Назад — побыстрее!
Мой бедный платочек —
Он сделался красным,
Судьба изменилась
У Каты несчастной».

Мартон свинопаса встретил у дороги:
«Расскажи, какие
Новости в деревне.
«Здесь у нас — хорошие,
У тебя ж — плохие:
По приказу матушки
Кату погубили,
В озере бездонном
Кату утопили.
Трижды на поверхность
Выплывала Ката,
На четвертом разе
Сгибла без возврата».

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
К бездонному озеру,

Сил не жалея,
Гони побыстрее,
Гони поскорее!»

Кони прилетели к озеру поспешно,
И воскликнул Мартон, Мартон безутешный:

«Где ж ты, где, ответь мне,
Друг мой, Ката Кадар?»

«Здесь я, здесь, любимый,
Друг мой, Мартон Дьюла!»

Слышит Мартон Дьюла
И — как камень — в воду!
В воду, в мир бездонный.

В озере бездонном обнял Мартон Катю:
«Вместе, вместе будем!»
Но и там нашли их,
Разлучили люди:

Мартона зарыли впереди престола,
А ее зарыли позади престола.

Расцвели над ними два цветка пригожих
И обнялись крепко над престолом божьим.

Мать цветы сорвала,
Растоптала злобно.
И один ответил
Ей цветок надгробный:

«Будь ты проклята навеки!
Ты меня сгубила,
Принесла мне столько горя,
А теперь убила»...

ЙОЖЕФ ВРАДИ

Торопит коня лейтенант, погоняет,
И искры подковами конь высекает.

«Куда вы, куда, господин офицер?»
«Катаюсь, сынок мой, гуляю...»
«Нет, это не так, господин офицер,
Таких я прогулок не знаю.
Прогулки вдвоем хороши, говорят,
А с вами я вижу двенадцать солдат —
Двенадцать вы взяли с собою...»
«Мой старый приятель скрывается

здесь,

Он многих господ уничтожил.
Ему я везу о прощении весть,
И ты мне, наверно, поможешь,
Поможешь его поскорее найти.
Зовут его Варади. Знаешь поди?...»
«Конечно же, знаю и вам помогу,
Коль добрую весть вы несете.
Вон в этой деревне живет его роза —
Его у нее и найдете...»

Мальчишка-пастух на дороге остался,
А немец вперед по дороге помчался.

У девушки Рафай, в домике белом,
Скрывается Варади — сильный
и смелый,

Живет он, не чуя беды.
«Здравствуйте, Рафай!»
«Здравствуйте, витязь!»
«Может, коню вы дадите воды,
Не пожалеете, не поскупитесь?..»
«Если он пить захотел — напою,
Если он есть захотел — накормлю...»

В горницу немец поспешно проходит,
В горнице Варади немец находит:
«Ты не уйдешь от меня, негодяй!..»
Мигом солдаты его окружили,
Руки и ноги солдаты скрутили...

*

Что же за дерево это такое,
Что не растет ни листочка на нем?
Дерево, дерево это такое —
Варади нынче повесят на нем...

*

Парни и девушки! Немцам не верьте!
Немец вам горькое горе несет.
Немец обманет вас, немец погубит,
Немец вам шею петлей захлестнет.

ПЕСНЯ О ШАНДОРЕ ДАКО

«Я пойду, отец мой,
Нынче в Мадефальва:
Господа большие
Сбор там собирают
И на сбор сегодня
Всех нас приглашают.
Все идут, я — тоже».

«Не ходи, не надо,
Сын ты мой хороший!
Немцы-офицеры
Сбор там собирают,
Немцы-офицеры
Что-то замышляют.
Секеи * от немцев
Только горе знали.
Сколько вас в солдаты
Немцы позабрали!
Сколько в нашем крае
Матерей печальных!..
Не ходи же, сын мой,
Нынче в Мадефальва!»

«Не могу, отец мой,
Не могу остаться:
Немцев-офицеров
Мне нельзя бояться.
Если б я остался,

* Секеи — трансильванские венгры.

Струсил в самом деле,
На меня б с презреньем
Девушки глядели.
Нет, пойти я должен!»

*

Утром в Мадефальву
Вышел Шандор Дако:
Немцы-офицеры
Сбор там объявили.
На поле широком
Все собрались к сроку.
Прибыл Шандор Дако —
Стройный, с ясным взглядом...
Немцы всех пришедших
Поставили рядом.
А, поставив рядом,
Как траву, скосили —
Молодую кровью
Поле оросили...

На свою погибель,
Матери на горе
Шел ты, Шандор Дако,
Шел на это поле.
Лучше б, Шандор Дако,
Ты остался дома —
Не клевал бы коршун
Тело молодое,
Тело неживое...

БАНДИ АНДЬЯЛ

Говорил тебе я, Банди:
К пастухам не ходи,
На табун, что там пасется,
Не гляди, не гляди!

А не то коней привыкнешь
Воровать, воровать.
А поймают — так придется
Горевать, горевать...

Скакуна седлает Банди,
Оседлал, оседлал,
Полосатую уздою
Придержал, придержал.

Шапка Банди с острым верхом —
Хороша, хороша.
А на шее распушился
Белый шарф, белый шарф.

Шуба, сшитая богато,
Лучше всех, лучше всех.
Не жалел портной, поставил
Добрый мех, добрый мех.

А штаны его из ткани
Не простой, не простой,
Бахромой они сверкают
Золотой, золотой.

Лоб у Банди — нет, не мрамор, —
Алебастр, алебастр.
Брови — с радугами схожи —
В самый раз, в самый раз.

Как на хутор едет Банди —
Все быстрее, все быстрее.
Там баран готов на ужин —
Ешь и пей, ешь и пей!

Целый город ловит Банди:
— Захватить, захватить!
Завязать веревкой руки,
Прикрутить, прикрутить!

Для себя не ждал такого
Он конца, он конца.
Изменяется у Банди
Цвет лица, цвет лица.

Руки связаны у Банди:
— Ну, идем, ну, идем!
Отправляют Банди в Кашшу
Под ружьем, под ружьем.

Хлеба фунт, с водою кружку
Подают, подают,
А на ноги — пуд железа,
Целый пуд, целый пуд.

ЯНИ ШЕБЕК

Наступает Яни Шебеку капут —
Яни Шебека по улице ведут.
Руки, ноги у бедняги в кандалах,
Смотрит мать на Яни Шебека в слезах.

С перекладины спускается петля —
Яни Шебек, жизнь окончена твоя!
Ветер стал его раскачивать-качать.
Яни Шебек, на кого ж ты бросил
мать?

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Если в Буду ты придешь,
Если в Буду ты придешь,
мать родная,
Ты в казарму загляни,
Сквозь окошко загляни,
дорогая.
Там меня в солдатской форме
встретишь сразу.
Сбриты волосы мои,
Сняты черные мои
по приказу.

Если в Буду ты приедешь,
Если в Буду ты придешь,
мать родная,
Загляни в окно тюрьмы,

Посмотри в окно тюрьмы,
дорогая.
Там в цепях, как птица в клетке,
сын твой бьется.
И не диво, коль твое,
Сердце бедное твое
разорвется.

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Провалилась моя крыша,
ой-ё-ё!
Даже аист сесть не хочет
на нее.

И такой прислали нынче
мне налог,
Что от тяжести прогнулся
потолок.

Входит в дом за недоимкой
сам судья,
И не слышит он, что плачет
вся семья.

И не видит он — как будто
вдругослеп, —
Забирает всю одежду,
весь наш хлеб.

Трудно, трудно жить на свете
бедняку:
Сколько горя он выносит
на веку!

От нужды его избавит
вековой
Разве только тяжкий камень
гробовой.

НЕ СДЕРЖАЛ ТЫ СЛОВА...

Не сдержал ты слова,
Не простился даже:
Обманул, покинул —
Бог тебя накажет.

Бог тебя накажет
Барыней женою,
Кучей ребятишек,
Покупной едою.

РАССТАВАНЬЕ

— Уезжаешь? — Уезжаю.
— Покидаешь? — Покидаю.
— Дай же мне, мой милый, руку
На прощанье, на разлуку.

Ты уедешь в край далекий,
Я останусь одинокой.
Но прошу я — в дальней дали
Не забудь моей печали.

Хлеб возьмешь — меня припомни,
Воду пьешь — меня припомни.
А уж я не позабуду —
Днем и ночью помнить буду.

ТРИ СИРОТКИ

Возле креста, над могилой родною,
Плачут сироты горячей слезою:

— Встань, посмотри, что со мною случилось, —
Платье на теле совсем развалилось.

— Встала б я, встала б, дочурка родная, —
Кровь мою выпила толща земная.

— Встань, помоги, осуши мои слезы, —
Видишь, хожу я и грязный и босый.

— Встала б, сыночек, да встать я не
в силе —

Кости рассыпались в темной могиле.

— Встань, приласкай материнской рукою,
Горько без ласки мне жить сиротою.

— Встала б, да крышка моя гробовая
Плотно закрыта и крепко прибита.

— Кто ж нас накормит, оденет, утешит?
Кто наши волосы гребнем расчешет?

— Мачеха волосы ваши пригладит,
Даст вам рубашки, за стол вас посадит.

— Чешет нас мачеха, чешет, ласкает —
Кровью затылок у нас подтекает;

Если ж рубашку на нас надевает —
Нашей слезою ее омывает;

Если же нас она кормит, голодных, —
Прыгают черти в глазах ее злобных.

НАЗОВИ МЕНЯ МУЖЕМ

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да сжиться не мог я с женою своею...
Купил ей сапожки, купил — разорился,
Принес и поставил на стол перед нею.
— О радость моя, назови меня мужем!
— Вот новость еще! А на что ты мне

нужен?

Я знатных господ, что отца навещали, —
И тех-то не очень... А вы б уж молчали!

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да сжиться не мог я с женою своею...
Купил я ей платье, купил — разорился,
Принес и на стол положил перед нею.
— О радость моя, назови меня мужем!
— Вот новость еще! А на что ты мне нужен?
Я знатных господ, что отца навещали, —
И тех-то не очень... А вы б уж молчали!

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да только с женою своею не сжился.
Пошел я по роще — развять кручину,
Принес я и спрятал в сарае дубину.
— О радость моя, назови меня мужем!
— Напрасная просьба. На что ты мне нужен?..
Схватил я дубину, взмахнул я дубиной...
— О муж мой бесценный! О муж мой любимый!

ЗАПОЗДАЛАЯ СВАДЬБА

Батя в полном облаченье
Начинает обрученье.
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Батя парня обручает,
С черноглазою венчает.

Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Обвенчал, но что случилось?
Что жена заторопилась?
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Только как ни торопилась,
По дороге разродилась.
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

ПОДМАСТЕРЬЕ МЕЛЬНИКА

С подмастерьем мельника
Я всю ночь сидела.
Я всю ночь сидела,
На него глядела.
Одного хотелось,
Чтобы ночь продлилась,
Чтобы я не скоро
С милым разлучилась —
С подмастерьем мельника...

Если бы колеса
Всех на свете мельниц
Золотыми были
И один бы жемчуг
Мельницы дробили,
Если б мне их дали,

Дали б и сказали б:
«Только не встречайся!»,
Я б не променяла
Подмастерья мельника...

Если б можно было
Всю морскую воду
Превратить в чернила,
Если б все травинки
Перьями бы стали,
Если бы все звезды
Писарями стали —
И тогда бы даже
Было невозможно
Описать любовь мою
К подмастерью мельника.

МОЛОДИЦА

«Ох, и красива ж! Люблю я таких.
Сядь, посиди на коленях моих!
Мужа нигде не видать, не слышать».
«Муж мой отправился поле пахать».

«Значит, осталась ты словно вдова.
Что же напрасно мы тратим слова?
Лучше давай целоваться с тобой —
Это, ей-богу же, грех небольшой».

«Пусть тебя вихрь унесет полевой!
Что же ты делаешь с бедной вдовой?!

Если бы муж мой увидел, узнал,
Чтоб он подумал и что б он сказал?!»

МАТЬ МОЯ, ИДИ ДОМОЙ...

«Мать моя, иди домой!
Заболел отец родной...»
«Дочка, я приду сейчас,
Протанцюю только раз,
Выпью красного винца
Да дождуся молодца...»

«Мать моя, иди домой!
Умирает наш родной...»
«Дочка, я приду сейчас,
Протанцюю только раз,
Выпью красного винца
Да найду для вас отца...»

«Мать моя, иди домой!
Умер, умер наш родной...»
«Дочка, я приду сейчас,
Протанцюю только раз,
Выпью красного винца,
Я нашла для вас отца...»

«Мать моя, иди домой!
Он уже в земле сырой...»
«Дочка, я приду сейчас,
Протанцюю только раз,
Только выпью — и домой,
Вот он — ваш отец другой!..

СТАРЫЙ МУЖ

Старый, сивый, некрасивый,
А гляди — не постыдился:
Сватал будто бы для сына,
А засватал — сам женился.

Вот пошла жена к соседке —
Смотрит старый туча тучей.
Он спешит за нею с палкой,
Молодую бьет и учит:

«Не затем, мол, я женился,
Чтобы ты сюда ходила,
А чтоб ты меня любила,
Чтобы патлы мне чесала,
Чтоб морщины целовала».

«Ты разлейся, Тиса, шире,
Ты, Дунай, разлейся шире!
Захлестни его водою
Вместе с сивой бороною!

Не везет мне, боже правый!
Брила мужа — торопилась,
И сама собою бритва
В горло врезалась, вонзилась.

Ой, натру глаза я луком —
Лук мой горький, лук мой красный!
Надо ж мне оплакать мужа —
Горькой вдовушке несчастной».

КАТО

«Здравствуй, Като, добрый вечер!»
«Здравствуй, муж мой, добрый вечер!»

«Что постель-то выше стала?»
«Я нарочно так постлала».

«Кто ж там тронул покрывало?»
«Видно, мышь под ним застряла».

Нож сверкнул, и крик раздался.
Сиротою сын остался.

ПЕСНЯ ЯКОБА БУГИ

— Что, земляк, печалишься, что глядишь с тоскою?
Бог-господь поможет — станет жизнь другою.
Солнышко пригреет — луг зазеленеет,
Мы по белу свету вновь пойдем с тобою.

— Как же не печалиться, коль печаль за мною
Днем и ночью ходит, друг ты мой желанный,
Коль такой мне выпал жребий окаянный,
Коль грызут заботы сердце беспрестанно?

Доломан мой порван — тело видно стало,
На штанах заплаты — не сочтешь, пожалуй,
Шляпа так свалялась, что пиши — пропала,
Ветхий полушубок лоснится от сала.

Плащ мой изнашивался на дожде, на стуже,
В тряпки превратился — ни на что не нужен,
Сапоги ж никто не съест хуже —
Вот дела какие, мой бесценный друже!

Корма нет, и лошадь в клячу превратилась,
На седле давно уж стерлись украшения.
А на дом посмотришь — крыша провалилась,
Всюду запустенье, всюду разрушенье.

Хлеб доеден, мяса ж вовсе не бывало,
И в желудке пусто, и в кармане пусто:
Денег от работы достается мало,
А сказать по правде — их совсем не стало.

Конь пристал — подкова, видишь, оторвалась, —
Этакое горе, этакая жалость!
Подкуешь — поедешь. А не то осталось
Пешему по свету поскитаться малость.

Мех на волчьей шкуре клочьями повывлез,
На гвозде покрылась паутиной фляга.
Вся черна от грязи белая рубаха,
Вши по ней гуляют целою ватагой...

Ну, да ну их к черту, все невзгоды эти!
Как-нибудь, а все же проживу на свете.
Лягу брюхом к солнцу, если в брюхе пусто,
Трубку закурю я — дешево и вкусно.

ТРИ РАЗБОЙНИКА

Как идут, как идут
Три разбойника,
Как идут, как идут
Через темный лес.
С греком в темном лесу
Повстречались
И с богатством его
Не расстались.

Как идут, как идут
Три разбойника —
До корчмы дошли
И в корчму вошли.
«Эй, хозяйка, скажи,
Есть в подвале вино?»
«У меня — и вино,
И красивая дочь,

И сама хоть куда —
Погулять не прочь».
Как едят да как пьют
Три разбойника,
Только младший из них
Приуныл, приутих.
Он не ест и не пьет —
В сердце дума встает.

«Лучше мать меня
Не родила бы,
А родился я —

Погубила бы.
Лучше б гробом была
Колыбель моя,
Одеяльце мое —
Смертным саваном...»

В ВОСКРЕСЕНЬЕ ПОПОЛУДНИ...

В воскресенье пополудни,
В воскресенье пополудни,
Он по улице гулял,
Он по улице гулял.

Говорила мать родная,
Говорила мать родная:
«Пишта мой, иди домой,
Пишта мой, иди домой!»

«Не пойду я, мать родная,
Не пойду я, мать родная, —
Исккупаться я хочу,
Исккупаться я хочу.

Я не в Тисе искупаюсь,
Не в Дунае искупаюсь,
А в корчме среди двора.
А в корчме среди двора.

Не в воде я искупаюсь,
Но в воде я искупаюсь,

А в крови, в крови густой,
А в крови, в крови густой...
Есть ли грязная рубашка,
Есть ли грязная рубашка,
Мать родная, у меня,
Мать родная, у меня?

Если нет — ее принес я,
Если нет — ее принес я, —
Кровью залита она,
Кровью залита она...»

ЗА ПРЯЛКОЙ

«Я бы, мама, пряла,
Я бы не вздыхала,
Только не прядется —
Нитка часто рвется».

«Не вздыхай, голубка,
Будет тебе юбка».

«Матушка-голубка,
Не поможет юбка».

«Что ж тебе поможет?
Хлопца звать, быть может?»

«Матушка, спасибо,
Но не в хлопце сила».

«Дочка, может статься,
Хочешь обвенчаться?»
«Мама, разгадали
Вы мои печали!»

ПРИЛЕТИ, ПРИЛЕТИ...

— Прилети, прилети,
вестница крылатая!
У меня для тебя
клетка есть богатая:
Золотая она,
золотая, чудная,
В ней кормушка стоит,
вся-то изумрудная.

— Нет, не надобны мне
клетки золоченые,
Мне милее поля
да леса зеленые:
Буду вольно летать,
славить дали дальние,
Буду зерна клевать,
росы пить хрустальные.

Шандор Петефи
(1823—1849)

К СВОБОДЕ

Дай взглянуть в твои, свобода, очи!
Мы тебя искали дни и ночи,
По земле, как призраки, блуждали,
Звали мы тебя и ожидали.

С нами ты — и нам никто не страшен,
Божество единственное наше!
Пред тобой — бессмертной и священной —
Падают все идолы мгновенно.

Все же ты бесправной оставалась,
Словно Каин, по земле скиталась.
За тобою палачи следили,
Твое имя к плахе пригвоздили.

Срок пришел — и те лежат в могиле,
Что тебя похоронить спешили.
Срок пришел — и мы с тобою вместе,
Ты средь нас — на королевском месте.

Ты одна — король и повелитель,
Ты одна — наш друг и покровитель.
В честь твою не факелы сверкают —
То сердца огнем у нас пылают.

О свобода, в душу посмотри нам,
Ясным взглядом душу озари нам,
Чтоб окрепли силы у народа
От сиянья глаз твоих, свобода!

Но, свобода, что ж ты побледнела?
Иль о прошлом дума налетела?
Иль не все мы сделали, быть может?
Или страх за твой венец тревожит?

Не страшись! Скажи нам только слово,
Только стяг свой подними. И снова
Встанет войско грозно и сурово,
На победу и на смерть готово.

Если даже мы на поле брани
Все погибнем — из могил повстанем,
Но врагов в покое не оставим! —
С призраками биться их заставим.

ВЕНГЕРСКИЙ НАРОД

Мой народ свободен! Распрямили спину
Те, кого считали немцы за скотину,
Те, кто был придавлен, те, кого душили,
Те, что век в неволе, в тяжком рабстве жили.

Мой народ свободен — наступили сроки!
Он пойдет отныне по своей дороге.
Ржавые оковы, цепи вековые
Сам перековал он в сабли боевые.

Мой народ свободен! Больше не позволит
Немцам-чужеземцам себя обездолить.
Он ярмо их сбросил, он сказал им: «Хватит!»
Он им все припомнит и за все оплатит,

Им землю этой не владеть вовеки!
Это наши нивы, это наши реки.
Это край венгерский — наш, родной, исконный,
Нашею горячей кровью обогранный.

Здесь распоряжаться лишь одни мы вправе,
Кланяться пришельцам нас нельзя заставить!
А придут, посмеют — встанут все венгерцы
И вонзят им шпоры в самое их сердце!

Но ты не мертв — жива душа героя,
И смерть вовек не прикоснется к ней.
Приди же к нам, спустишь в минуты боя,
Слети душой великою своей!

И стяг возьми невидимой рукою,
Неси его, веди своих солдат,
Пусть голос твой, приглушенный землею,
Гудит в солдатском сердце, как набат.

И мы пойдем, помчимся в бой с врагами!
Пусть сотни глаз нам грустно смотрят вслед,
Пусть сто смертей возникнут перед нами,
Назад мы даже не посмотрим, нет!

И в дни победы, в пламени рожденной,
Ради которой ты дышал и жил.

Воскликнет наш народ освобожденный:
«Кто начал дело, тот и завершил!»

РАКОЦИ

Свободы вождь, звезда на небе темном,
Великий сын родной своей страны!
Слезю жаркой, гневом неумным,
О Ракоци, сердца у нас полны.

Дела твои, которым был ты предан,
Мы довершим. Но жалко одного:
Не быть тебе на празднике победы,
Не встать тебе из гроба своего.

О, если б только это можно было —
Найти твой прах, вернуть его
домой!

Но кто же знает, где твоя могила?
Какой тебя засыпали землей?

Ты изгнан был из края из родного
За то, что больше всех его любил,
И век своею тяжестью суровой
Твою могилу смял и раздавил.

Будьте же, венгерцы, день и ночь на страже,
Будьте все готовы встретить силу вражью.
И коль так случится, что она нагрянет,
Даже полумертвый пусть с постели встанет!

Родина, свобода — те слова священные,
Пусть их каждый с детства помнит неизменно.
Если ж, взрослый, сгинет он в бою с врагами,
Пусть простится с миром этими словами.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Нету отдыха моим рукам:
Я держу в одной руке стакан,
А в другой — оружие мое,
А в другой — то сабля, то ружье.

Пусть господь не пощадит того,
Кто сейчас не выпьет ничего,
Пусть его утащит сатана!..
Пьем, друзья, за родину — до дна!

А еще мы выпьем все как есть
И за храбрость и за нашу честь.
Нам в бою без них никак нельзя —
Наливайте же полней, друзья!

Как нам знать, что ожидает нас?
Может, завтра, в предрассветный час,
Барабаны позовут в поход
За родную землю, за народ.

Украшенье для родной земли
Из цветов свободы мы сплели.
И ему всегда на ней сверкать,
И его вовеки не сорвать!

Венгры в рабстве были только раз,
Во второй — нельзя осилить нас,
Если б даже захотел сам бог,
Он бы в рабство нас отдать не смог!

Тот, кто на свободу посягнет,
На земле недолго проживет:
Кровь его и жизнь его сполна
Мы осушим, как стакан вина!

МОЛОДОЙ БАТРАК

Гусару на коня не сесть красиво так,
Как на телегу сел тот молодой батрак.
Он сено свез, свалил, сложил на чердаке,
На хутор едет он в телеге налегке.

Везут его волы, он смотрит молодцом.
Передний самый вол шагает с бубенцом.
Редчайший бубенец! Так звонок он в пути,
Что мог бы где-нибудь за колокол сойти.

Кричит батрак волам: — Вперед, волы, вперед! —
И правой рукой с телеги кнут берет.
Берет с телеги кнут — сажени три в длину —
И хлещет им волов: — А ну, волы! А ну!..

А девушка в саду полола в этот час,
И парень подкатил к забору в самый раз.
Она, и не взглянув, по звуку поняла,
Чей это кнут и чья упряжка подошла.

И девушка в саду обрадовалась так,
Что вырвала цветок, а вовсе не сорняк.
А если вырван он — назад не посадить.
И парню тот цветок пришлось ей подарить.

А парень — что ж сказать? Не мог он, молодой,
Подарка не принять от девушки такой —
От девушки такой, что как цветок сама
И что совсем его, совсем свела с ума.

И гордо свой цветок он к шляпе прикрепил,
В телегу снова сел и дальше покатил.
На хутор держит путь, и, торопя волов,
Как жаворонок, поет он песенку без слов.

Поет батрак о том, что в сердце он берег,
Что чувствовал давно, а высказать не мог.
И песня так звучит, что видно по всему —
Все жаворонки окрест завидуют ему.

ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ ХОЖУ Я...

Вдоль по улице хожу я,
Флягу добрую держу я,
И под скрипку вечер целый
Я пляшу как угорелый.

Эй, цыган, играй такое,
Чтобы выплакал я горе.
Но вон там, под тем окошком,
Заиграй совсем другое.

За окошком тем, бывало,
Мне звезда моя сияла,
А теперь зашла, затмилась —
Знать, с другим она слюбилась.

Вот окно. Цыган, за дело!
Так играй, чтоб все гудело!
Пусть неверная не знает,
Как душа моя страдает.

ТОРГ

«Глянь-ка, парень, сколько денег —
не сочтешь!
У тебя куплю я бедность. Продаешь?
Я за бедность кошелек весь отдаю,
Но в придачу дай мне девушку свою».

«Если б это лишь задаток был от вас,
Да на выпивку б мне дали во сто раз,
Да весь мир еще в придачу заодно —
Я бы девушку не отдал все равно!»

ХОЗЯИН ЯНОШ

Он хозяин славный,
Только вот беда:
Нет в его кармане
Денег никогда.

У него родится
В поле хлеб густой.
Хлеб он возит в город.
Но... карман пустой.

Он в корчме не спросит:
— Эй, вина подать! —
Янош трезв. И все же
Денег не видать.

Впрочем, как сберечь их,
Коль его жена
С молодым работником
Очень уж нежна?

МОИМ РОДИТЕЛЯМ

Эх, родители мои,
Если б мне богатство!
Уж тогда бы не пришлось
Вам с нуждой тягаться.

Я исполнил бы тогда
Все желанья ваши,
Вы бы век свой жили так,
Что не надо краше.

Я б такой нашел вам дом,
Чтобы все светилося
И чтоб в погребе вино
Не переводилось;

Чтоб к отцу пришли друзья,
За столом бы сели,
Чтоб купались их сердца
В озере веселья.

Я бы матери купил
Не карету — диво,
Чтобы в церковь по утрам
Не пешком ходила.

А молитвенник ее
Был бы, без сомненья,
С ликом господи Христа,
С золотым тисненьем.

Я коней бы дорогих
Накупил с излишком —
Пусть по ярмаркам на них
Ездит мой братишка!

Библиотеку б завел —
Всем на удивленье.
И не стал бы платы брать
За стихотворенья.

Я бы все их отдавал
Даром для печати,
И они редакторам
Были б очень кстати.

А коль девушка б нашлась,
Да притом мадьярка, —

Ух, как стали б танцевать
Мы на свадьбе жарко!

Вот как жизнь пошла б у нас
Без нужды проклятой...
Эх, родители мои,
Стать бы мне богатым!

Янош Арань

(1817—1882)

СОЛОВЕЙ

Венгры верили когда-то:
«Суд рассудит —
Ясно будет.
У судьи — ума палата,
Он решит — и дело свято...»

В те годы, за Тисой где-то,
Жили-были два соседа —
Пал и Петер. Жили рядом:
Дом — за домом, сад — за садом.
Пал и Петер * в святцах тоже
Оба рядом поместились.
И лишь там они, быть может,
Не ругались, не бранились.
А у наших Петер-Пала —
Шум и гам, лишь солнце

встало,

Брань такая — уши вянут.
А как сумерки настанут,
Начиналось все сначала...

* Пал и Петер соответствуют русским именам Павел и Петр. В данном случае имеется в виду церковный праздник — день Петра и Павла (29 июня по старому стилю).

Если печь затопит Пал,
Из трубы дымком потянет,
Петер скажет: «Так и знал!» —
И чихать от дыма станет.
Если ж к Палу в сад, случится.
Куры Петера зайдут,
Пал как бешеный стучится
В дом к соседу: «Эй, вы, тут!» —
Словно хочет, сам не свой,
Стенку вышибить ногой.

Так и жили Пал и Петер,
Их мирить — напрасный труд!
Ну, а жены их и дети
Тоже так себя ведут:
Словно псы, что целый день
С двух сторон грызут плетень.

Это, впрочем, лишь началом
Было в их вражде жестокой...

Украшал усадьбу Пала
Куст орешника высокий.
Рос он, рос, и ветка скоро
И с плодами и с листвою
Очутилась за забором —
Над соседскою землею.
(Петер видел, только все же
Не обрезал — потому,
Что с нее орехи тоже,
Тоже падали к нему.)
И, случилось, в воскресенье

Появился соловей,
Чтоб на ветке той весенней
Петь о радости своей.
Солнцу, что в росе сверкало,
Рошам, травам и ручью,
Ветерку, чем грудь дышала,
Он воздал хвалу свою.
Он воспел прозрачный воздух,
Он любовь свою воспел
И ореховый отросток,
На котором сам сидел.
Так он пел на ветке скромной
Песню сердца своего,
Словно этот мир огромный
Создан был лишь для него.
С изумленьем, с восхищеньем
Пал прислушивался к пенью
И гордился песней той:
«Как красиво —
Просто диво! —
Соловейка свищет мой».

«Ваш?! Пустые разговоры!
Ваша только тень его», —
Слышит Пал из-за забора
От соседа своего.
«Чей же? — Пал кричит и злится, —
Чей он? Ветка ведь моя!»

«Ветка ваша. Только птица
Мне свистела, у меня.

Значит, здесь резон прямой:
Птичий свист не ваш, а мой!..»

Началось спять такое,
Что уж ругань — пустяки:
В ход пошли лопаты, колья
И, конечно, кулаки.
Бился Петер, дрался Пал —
Прав своих не уступал.
Нос в крови, в грязи рубашка,
И синяк промеж бровей... —
Вот что сделала ты, пташка,
Неразумный соловей!

Отвечая на расспросы,
С синяком, с разбитым носом
Пал стоял перед судьей:
«Свист был мой, и только мой!
И ни свиста, ни полсвиста
Я ему не уступлю!
Я пожалуюсь министру,
Я отправлюсь к королю!..»
Чтоб слова весомей стали,
Чтоб скорей найти концы,
Пал выкладывает талер *
Правосудью на весы.
Увидал судья премудрый —
Оторвать не может глаз.
И в карман его нагрудный
Талер сам вскочил тотчас.

* Талер — старинная серебряная монета.

Петер тоже к правосудью
Шел — решительный и злой:
«Видит бог и знают люди —
Свист был мой, и только мой!
И таких законов нету,
Чтоб глумиться надо мной...»
Талер новенький при этом
Он кладет перед судьей:
«Не могу я, ваша милость,
Уступать права свои...»
И монета очутилась
Тож в кармане у судьи.

Суд настал. Все ждут решенья,
Всякий хочет знать скорей —
Для кого же в воскресенье
Пел на ветке соловей?
Нетерпенье нарастает,
Но судья молчит пока:
То ли сам еще не знает,
То ль лишился языка.
Все законы,
Все каноны
Пораскрыли адвокаты,
Все параграфы прочли,
Но о свисте о проклятом
Указаний не нашли.
И, разгневанный, суровый,
Встал судья, заговорил.
И такое — слово в слово —
Он решение объявил:
«Говоришь — тебе свистала?

(Он взглянул притом на Пала.)
Говоришь, что свист был твой?
(Ткнул он в Петера рукой.)
Нет, свистала эта птица
Не тебе и не ему!
Мне свистала эта птица,
Мне свистала *одному!*
(И по правому карману
Хлопнул правою рукой.
И по левому карману
Хлопнул левою рукой.)
Мне свистала, а не вам!..
Суд окончен. По домам!»

Хорошо, что в наши годы
Нет к судам такой охоты.
Все живут теперь спокойно
И ведут себя достойно.
Не дерутся, как обычно,
Ни родные, ни соседи:
Все решается отлично
В мирной дружеской беседе.
Люди сделались как люди —
Ни дубин, ни зуботычин...
Даже вывелись и судьи
По делам о свисте птичьем.

Йожеф Леваи
(1825—1918)

МИКЕШ *

Гудению ветра, морскому прибою
Один я внимаю с поникшей главою, —
Один на чужбине
Остался я ныне,
Один, одинокий.
И только мне чудится в бурю порою —
Тень Ракоци снова встает предо мною
Над бездной глубокой.

Осенние листья шуршат, опадая,
И, прежние гнезда свои покидая,
Из Турции птицы
Летят вереницей
В далекие страны.
И я улетел бы — изгнанник забытый,
Да путь мне отрезан, дороги закрыты
К отчизне желанной.

Звезда моя светит, горит над Загоном,
Где горы стоят в белоснежных коронах,
Где в пышном цветенье

* Микеш, Келемен (1690—1761) — венгерский писатель, соратник Ференца Ракоци II в освободительной борьбе венгров против господства Габсбургов. Умер в эмиграции.

Под солнцем весенним
Долины и скаты.
Там Эрдей — земля моя, край мой родимый,
Вовек незабвенный, навеки любимый,
Там жил я когда-то.

Туда б я помчался к родимому дому,
Где каждая травка мне с детства знакома,
Но в рабство ты отдан
На долгие годы,
Мой край благодатный!
И я никогда не увижусь с тобою —
Я здесь остаюсь со своею судьбою,
Судьбою превратной.

Тяжка моя боль и безмерна утрата!
Пуškai под окном не стоит соглядатай,
Доносов не пишет,
Что злобою дышат,
Пуškai я на воле.
И все ж я — как дуб одинокий, забытый,
Изломанный вихрем, грозою разбитый,
Как дуб среди поля.

Гудению ветра, морскому прибою
Один я внимаю с поникшей главою —
Один на чужбине
Остался я ныне,
И нет уже силы.
И только мне чудится в бурю порою —
Дух Ракоци снова встает предо мною,
Встает из могилы.

Эндре Ади

(1877—1919)

СЫН МОЙ ОТДАН НЕМЦАМ...

Тамашу Эссе

Сын мой отдан немцам,
Дочь моя — попам:
Спит во имя бога
С ними по ночам.

Вся земля — у графа,
В гроб легла жена...
Хватит мне! Дорога
У меня одна:

Коль уж так случилось,
Все пошло на слом, —
В Мункач, друг мой
Эссе,
К Ракоци пойдем!

Сына взяли немцы,
Шлюхой стала дочь...
Нет, терпеть такое
Сделалось невмочь.
Надо мной гогочет
В Вене вражья спесь,

В Вараде позорят
Жизнь мою и честь.

Хватит нам прелатов
Да господ кормить!
Хватит пашу горя
Беспрерывно пить!

Не пора ли, друже,
Нам в родном краю
Задушить, прикончить,
Раздавить змею?!

СТАРИКИ

Десятерых породила,
Десятерых воспитала.
Вот и в могилу ложиться
Время старухе настало.

Муж во дворе, на скамейке,
Кашляет тяжко, нутужно;
Хрипло звучит его голос,
Зимно на улице, вьюжно.

Двое их, старых. И скорбно
Смотрят они друг на друга.
Словно судьба перед ними —
Жалкая эта лачуга.

Радости ждали, да только
Нет ее, видимо, нету.
Сила иссякла. А дети
Бродят по белому свету.

Думает старый о прошлом —
Голод, нужда, разоренье...
Ради чего ж он потратил
Силу, упорство, терпенье?!

Думает старый о прошлом,
Свадьбу свою вспоминая...
Тлеет лампадка. Старуха
Смотрит, уже неживая.

ЗИМНЯЯ ВЕНГРИЯ

Мчится поезд по земле родной,
Где в снегах застыли хутора.
Спят они сегодня, как вчера,
Под покровом темноты ночной.

Вся равнина горестно молчит.
Только зимний ветер-снеговой
Сновиденья навевает ей,
Только он один над ней шумит.

Что ей снится? Может быть, уже
Нет и снов? Вот еду я домой —
Я все тот же, деревенский, свой,
Но снега и у меня в душе.

И мне кажется, среди снегов,
Может, мы мертвы, погребены
И для нас остались только сны —
Для меня и этих хуторов?

ДЕРЕВНЯ В СТРАХЕ

Даже гуляки притихли,
Реже поют молодые.
Слушая молча рассказы,
Старцы вздыхают седые.

В страхе деревня. Повсюду
Ждет соглядатай постылый.
Тише! В великом молчанье
Зимнее поле застыло.

Но по-весеннему ветер
По-над снегами играет.
Может быть, завтра же, завтра
Все зашумит, засверкает!

Атила Йожеф
(1905—1937)

ЧТО ГОТОВИТ СУДЬБА...

Что готовит судьба человеку на свете,
для кого не нашлось и лопаты простой,
у кого на усах хлебных крох не заметишь,
кто лентяем слывет, кто придавлен нуждой,
кто сажал бы картошку за треть урожая,
если б только нашлася земля для него,
чья упала на лоб шевелюра густая,
кто стоит и не чувствует себя самого?

Что готовит судьба человеку на свете,
у которого только пять хольдов земли
и лохматая кура — одна на повети,
и запасы в кладовке к концу подошли,
и не слышно дорожного звона упряжки,
и не видно волов — потому что их нет,
и почти что пустые и кружки и чашки
в час, когда он садится с семьей за обед?

Что готовит судьба человеку такому,
кто один на работе, один и живет,
чья похлебка без соли — торговец знакомый
даже соли и перцу в кредит не дает,
у кого только стул остается разбитый —
на растопку. Да кошка на печке видна.

Кошка смотрит на дверь и на ключ позабытый —
смотрит, ждет и, свернувшись, ложится одна.

Что готовит судьба человеку, который
обзавелся семьею и в доме — полно,
и дрянной кочерыжки не съест без укора,
и лишь старшая дочка бывает в кино,
и разъедены пальцы, и стерты ладони,
жертва грязи — стирает и гладит жена,
и по бедности лампа погашена в доме,
и в потемках тревожно молчит тишина?

Что готовит судьба человеку на свете,
кто торчит по утрам у ворот заводских
и его не берут, а работают дети
и согбенные бледные матери их?
И напрасно он держит корзинку пустую —
все равно в нее нечего, нечего класть.
Коль заснет он — толкнут. Украдет — арестуют
и отправят затем в полицейскую часть.

Что готовит судьба человеку на свете,
кто, отвесивши соль или хлеба кусок,
покупателям в руки сует их в газете
и намеренно крох не сметает с весов;
кто, товары свои убирая под вечер,
все ворчит, что уже не осталось сил,
что налоги большие и жить ему нечем,
хоть и смог он дороже продать керосин?

И скажи — что готовит судьба для поэта,
если верен всем сердцем он песне своей,

и случайной поденкой живет он при этом
и жена его моет полы у людей;
если имя его, коль оно не забыто, —
лишь патент, от которого прибыли пет,
если жизнь, коль она до конца не убита,
отдана для борьбы, для грядущих побед!

Дюла Ийеш
(род. в 1902 году)

ПЛУГ ИДЕТ...

Плуг идет, и борозды —
друг за другом,
словно книга пишется
этим плугом.
Пишет книгу радости
на просторе
тот, кому встречалось
только горе.

Плуг идет — и новые
встали строки.
Я смотрю — читатель их
одинокий.
Вижу — руки честные,
трудовые,
на себя работают
здесь впервые.

Плуг идет, врезается,
и шагают
две коровы в упряжи —
помогают.
Танки обгоревшие
плуг обходит —

пусть они рисунками
в книгу входят.

Плуг идет у пахаря
под рукою,
и строка выводится
за строкою.

Пашня в дымке утренней —
словно дышит...
Так свою историю
венгры пишут.

Кальман Тали

(1839—1909)

ВЗЯТИЕ ЭСТЕРГОМА

Где Гарам * сливается с водами Дуная,
Станом стали куруцы — без конца и края.

Станом стали куруцы. И в шатре просторном
Отдыхает Ракоци на ковре узорном;

На ковре персидском, на меху тигровом,
А у входа страша замерла сурово.

Звуки барабана слышатся глухие,
На коней садятся куруцы лихие.

Разместился лагерь на лугу широком,
А шатер для Ракоци — на холме высоком;

На холме высоком, на крутом кургане,
Что вчера насыпан дружными руками, —

Куруцы задумали, куруцы решили:
В пригоршнях и в шапках землю приносили,

Чтоб с того кургана, глядя зорким взглядом,
Мог увидеть Ракоци сразу все отряды;

* Гарам — левый приток Дуная.

Чтобы знамя Ракоци реяло высоко,
Чтоб оно приметно было издалека.

И курган, как в сказке, вырос на равнине,
И шатер белеет на его вершине.

Вышел в поле Ракоци — на простор зеленый,
Указал на замок саблей закаленной:

— Замок Эстергома! Вот он перед нами.
Знамя императора — над его стенами.

Но куда солнце трижды нас пригреет,
Будет наше знамя там, на башне, реять!

Загremите ж, пушки! Бейте, не смолкая!
Пусть дрожат и стонут берега Дуная!

Эх, и били ж пушки! — смерч огня и грома.
Эх, и задрожали ж башни Эстергома!

Пушки бьют — и немцам некуда деваться.
Замок Эстергома, не пора ли сдаться?!

Но враги не думают открывать ворота —
По-немецки, чванно, отвечают: «Кто там?..»

К ночи смолкли пушки — отдых после боя.
Но не спится Ракоци, нет ему покоя.

Снова он готовит свой удар могучий —
Фодора и Реваи — два полка гайдучьих,

И полки другие, полные отваги, —
Лоция и Эссе, Яноша Чаяги...

И однажды, в полночь, пушки загремели,
Куруцы на замок тучей налетели.

От гранат, от взрывов вся земля светилась,
Ох, голов немало с плеч тогда скатилось!

Наступило утро, солнце выплывает,
В замок Эстергома Ракоци въезжает.

Высекая искры, конь вперед несется,
А на башне замка стяг венгерский вьется.

Изо всех орудий грянул залп победы,
И сложилась песня за победой следом.

Кто сложил? Сложили эту песнь венгерцы
От великой радости, от души, от сердца.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Польские народные песни

УЖ РАЗ УЕЗЖАЕШЬ...

— Уж раз уезжаешь, скажи откровенно:
Надеяться ли мне иль забыть совершенно?

— Ты видишь — вон тополь стоит обнаженный?
Лишь вырастут листья — возьму тебя в жены.

Вчера я смотрела: быть может, свершилось,
Быть может, на нем уж листва распушилась?

Возьму поскорее, возьму я ведерки,
Начну поливать я свой тополь на взгорке.

Уже распускается тополь мой пышно,
А хлопца все нету — не видно, не слышно.

Нарушил он слово, забыл он о сроке,
И зря поливала я тополь высокий.

Все дождик да дождик — буланому склизко.
Сказали мне люди, что милый мой близко.

А может, меня он и впрямь не обманет —
Приедет наутро и свататься станет?

— Вон, девушка, видишь тот камень тяжелый?
Когда поплывет он, возьму тебя в жены.

— Где ж видано было, чтоб камень да плавал?
Зачем же меня обманул ты, оставил?!

РЕКРУТСКАЯ

Уж как на поле былинку
Ветерок колышет,
Уж как Касеньке любимой
Ясек письма пишет.

— Хоть ты пишешь, хоть не пишешь —
Не читая, брошу:
Знать, люблю тебя не крепко,
Ясек мой хороший.

— Пусть ты любишь, пусть не любишь —
Я не позабуду:
Твое ласковое слово
Вечно помнить буду...

И угнали новобранцев
В край чужой, далекий,
Ни по морю, ни по суше
Нету к ним дороги.

— Ой, летит, летит кукушка,
Пташечка лесная,
Ой, несет, несет нам вести
Из родного края.

Расскажи нам, что ты в Польше
Слышала-слыхала.
Что ты в садике отцовском
Видела-видала?

— Гнутя в садике отцовском
Ивы над водою.
А родные ваши плачут
Горькою слезою.

— Ты скажи им — пусть не плачут,
Сердца не тревожат:
На том свете после смерти
Свидимся, быть может.

ИЗ ПАКИСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Фаиз Ахмад Фаиз

(род. в 1911 году)

МЫСЛЬ МОЯ О ТЕБЕ...

Мысль моя о тебе, о любимая родина-мать,
Где никто не осмелится голову кверху поднять.
Где, коль хочешь молитву во имя твое принести,
Низко-низко склонись и понижь глаза опусти.

Дан указ для людей, чтобы злобных собак отвязать,
Но привязаны камни, чтоб ими в собак не бросать.

Много честных людей твое имя с любовью твердят,
Но от этого злее и злее тираны твои.
Кто жесток и бесчестен, стал нашим неправым
судьей—
Где ж защиту и правду искать от такого судьи?

Дни друг друга сменяют — идет то один, то другой,
Новый вечер приходит, а я все в разлуке с тобой.

Сердцу грезится: только померкнет окошко тюрьмы —
На кудрях твоих свадебный звездный наряд.
А коль цепи мои засверкают, я знаю тогда:
То лицо твое, щеки твои от восхода горят.

Так, встречая то вечер, то нового утра приход,
Жизнь в оковах, в цепях за тюремной решеткой идет.
Как и прежде, с тиранами бьется, воюет народ —
Мы от этой борьбы никогда не откажемся, нет!
Сквозь огонь мы пройдем и в цветах из него
Выйдем вновь. Как всегда, мы добьемся побед.

Потому и на жребий роптать не хочу я на свой,
Потому и разлука мне легче, отчизна, с тобой.

Пусть я изгнан сегодня, но завтра мы встретимся все.
Ночь окончится скоро, и эта разлука пройдет.
Пусть сегодня в зените сверкает не наша звезда —
Завтра наша взойдет, непременно, мы знаем, взойдет!

Тот, кто связан с тобою незыблемой клятвой своей,
Быть не может подвластным мельканию дней и ночей.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Почему я всегда молчалив,
В сердце — горестных дум не счесть?..
Нет, не слушай жалоб моих —
Я неплох и такой, как есть.
Что ж, коль сердце печально мое?
От печали весь мир поседел.
И не нам лишь с тобой тяжело —
Это многих и многих удел.
Пусть тоскую я — с той тоски
На земле не прибавится бед.
И оковы насилия мы

Не разрушим словами, нет.
Но страдаю ли я иль другой,
Все равно горе сердце мне жжет;
Буду ль плакать иль гневом пылать —
Горе рядом со мной идет.
Почему ж нам не сделать своим
Горе тяжкое мира всего
И о светлом грядущем мечтать,
Приближать и приблизить его?
Почему только тем хорошо,
Кто богат и не знает забот?
Счастье их мы разделим на всех —
Мы не хуже этих господ!
Знаем мы, как жестока война —
Море крови прольет она,
Но и горе зальет та кровь.
Не останется нас в живых,
Но и горе не встанет вновь!

МЫ

Огонь светильников у нас в дворцах сердец погас,
Не нужен нам и солнца свет — он раздражает нас,
Как в сон безмолвный о краев земли своей родной,
Мы все во мглу погружены, в глубокий мрак ночной.

Начало иль концы, добро иль зло — не все ль равно?
То любопытство лишь одно, бесплодное давно.
День уходящий бледен, тускл, мы о былом грустим,
Грядущего ж боимся мы — оно для нас темно.

Хоть ждет и жаждет разум ваш — чем жажду утолить,
Коль даже жгучих слез из глаз не можем мы пролить
И боль, что ноет, что живет в расщелинах сердец,
Мы в строчки песен и стихов не можем перелить?

Мы исцеления хотим, но где оно и в чем?
И ищем мы живую страсть, но где, когда найдем?

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Антонио Гуэрра

(род. в 1920 году)

КИРПИЧ

Всю жизнь мой дед выделявал кирпич,
Всю жизнь отец выделявал кирпич,
И мой удел — выделявать кирпич.
Но все ж не смог никто из нас притом
Себе построить дом.

В Суффраджо храм — его построил я.
Дома, что рядом с ним, построил я;
Я воздвигал и башни, и мосты,
И виллы небывалой красоты,
Но сам я — без жилья.

ГЕТТО

Я видел гетто брошенных лачуг,
Где пахло прелым сеном и соломой,
И колокол над крышами зеленый —
Ночами совы на него садятся.

То был квартал, где жили бедняки,
Ютились за открытыми дверями.

Вдоль шатких стен их жалкий скarb виднелся —
Как будто это выставка какая.
Потом пришла холодная зима,
С деревьев листья сорвала сурово
И бедняков заставила убратъся.
И до сих пор над ними нету крыши.

Джакомо Новента
(1898—1960)

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБ УВИДЕТЬ МНЕ СОЛНЦЕ...

Для того, чтоб увидеть мне солнце,
Что сияет за тучею черной,
Я оставил родную долину,
Ввысь поднялся тропинкою горной.

Ввысь тропинкою горной поднялся,
Солнце в небе увидел я с кручи.
Но увижу ль долину родную
За тяжелой свинцовою тучей?

Франческо Масала
(род. в 1912 году)

ПИСЬМО ИЗ САРРАБУСА МУЖУ-ЭМИГРАНТУ

Дни жатвы пришли. Но не в поле,
А в море ты сеял.
И в серых колосьях тумана —
Одни лишь истлевшие зерна.
Одни муравьиные гнезда
На нашем току запустевшем.
В лихую годину повесил
Ты серп свой над дверью.
Где ты отдыхал — на циновке
Из жестких стеблей кукурузы
Пустой лишь початок нашла.
Когда ты вернешься (вернешься ль?),
Кольца моего не ищи ты:
На хлеб променяла для сына...
Мой милый, мой милый, любимый,
Пишу я на волнах моря,
Пишу на порывах ветра,
И если услышишь мой голос,
То вспомни меня на чужбине.
Вернись, о ручей мой далекий, —
Я жажда твоя!

Вернись, золотистый мой парус-
Волна я твоя!
Вернись, о мой муж!.. За окошком
Луна — как печали цветок.

Джованни Арпино
(род. в 1927 году)

НАС МНОГО ЗДЕСЬ...

Нас много здесь стоит — неприглашенных,
Уж стол накрыт, а мы одно лишь можем —
Смотреть в окно на пиршество других.
Нас много здесь, нас очень, очень много,
За пышный стол мы тоже сесть хотели б,
Чтоб вместе с теми есть и веселиться,
А срок придет — платить по счету вместе.
Но кто же запер перед нами двери,
Кто вход закрыл простым, хорошим людям,
Чтоб нам нельзя повеселиться было?..
Нет, праздники для избранных не вечны!
Коль нынче мир одним лишь глазом видит,
Придет пора — увидит и вторым!
Так пусть же, пусть не знают удовольствий
Бездельницы нарядные; спокойно
Пусть не заснут мужчинам разжиревшим;
Пусть не поют ни взрослые, ни дети,
Пока мы не войдем туда, чтоб вместе
И веселиться и платить по счету.

НА МАРШЕ

**Стихи зарубежных поэтов
в переводе
Константина Симонова**

ИЗ ТУРЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Назым Хикмет

(1902—1963)

ВЫЙДЯ ИЗ ТЮРЬМЫ

Утро

Ты проснулся.

Где?

Дома.

Но дома отвык просыпаться ты.
Верный признак тринадцати лет,
проведенных в тюрьме.

Кто лежит с тобой рядом?

Одиночество?

Нет, жена.

Она

спит, как ребенок.

Как идет ей беременность!

Сколько времени?

Половина шестого.

Вы знаете, что до вечера
беспокоиться нечего.

Есть полицейское правило —
засветло не арестовывать.

Вечерняя прогулка

Ты вышел из-за решетки тюремной.

Ты вышел.

Вы вместе. И жена твоя беременна.

Взяв тебя под руку,

она гуляет с тобой

по кварталу.

И легко,

словно даже

и не устала,

несет свою священную тяжесть.

Ты горд собой и ею горд.

Вечерний город

остывает,

как будто пальцы ребенка озябли,

и кажется; надо

взять и согреть в ладонях эту прохладу.

Коты квартала

у дверей мясной сошлись,

как поклонники.

А на втором этаже,

грудью на подоконнике,

жена мясника,

завитая,

скачущая и тая.

вечера созерцает картину.

Небо чисто.

Как раз там, где его середина,

первая вечерняя звезда

блестит,

как налитая в стакан вода.

В этом году бабье лето.

Абрикосы уже пожелтели,
а инжир еще зелен.
Дочь молочника Георгия
с наборщиком Ахметом
вышли гулять,
и в тени
 пальцы их сплетены,
и ты видишь это.
В бакалейной лавчонке Сурена
 загорелись огни.
Он армянской резни
 не забыл.
Он убийцам отца
 не простит до конца,
 до смертной черты.
Но он любит тебя,
 потому что и ты
не простил тех, кто помог
на лбу Турции
 выжечь это клеймо.
Все чахоточные квартала,
 те, что уже не встают,
смотрят на вечер сквозь стекла.
В кофейне пьют,
 а около
можно видеть печальную спину
 безработного сына
 прачки Фатьмы.
Радио Осман-бея
 передает вечерние известия,
и ты с женою вместе попадаешь в Корею,
где желтолицые люди сражаются с белым драконом

дотерпев дотемна,
выезжает из-за угла,
светя на камни.
— Не к нам ли? —
шепчет жена.

Час ночи

На синей домотканой скатерти
облюбовавшие для жилья наш дом
наши храбрые книги
стоят с открытым лицом,
не желая ни трусить, ни лгать.
О моя мать!
Я вернулся домой
из-за крепостной стены,
построенной,
чтобы нас сломать,
врагами нашей страны
в сердце моей страны.
Час ночи.
Мы не гасим света.
Рядом со мной лежит жена.
Она беременна.
Это
пятый месяц знаем я и она.
Но мне все еще не верится.
И вот
я кладу руку на ее живот
и слушаю, как ребенок все шевелится и шевелится:
листок на ветви деревца,

рыбка в струе ручья,

ребенок во чреве.

Мой ребенок!

Мать моя

для моего ребенка

связала розовую распашонку,

она

такая крошечная, что страшно трогать, —

в мою ладонь вся длина,

а рукава — вот такие, с ноготь!

Я хочу, если это будет девочка,

так чтоб в мать, с головы до ног!

А если мальчик, чтоб ростом с меня,

чтоб со мною сравняться мог.

Мой ребенок!

Если это будет девочка,

чтоб была кареглазой, красивой.

А если мальчик — пусть просто

взгляд будет синий.

Мой ребенок!

Я не хочу, чтоб моего ребенка

в двадцать

на войне убивали,

если это будет мальчик.

А если девочка,

я не хочу, чтобы бомбы рваться

стали ночью над ней, погребенной в подвале!

Мой ребенок!

Мальчиком или девочкой, кем бы он ни был

и до скольких бы он ни дожил лет,

я не хочу, чтоб от него тюрьмой закрыли небо

только за то, что он
 за мир!
 за правду!
 за свет!

Но я знаю, что, если запоздает
 то, что люди зовут рассветом,
ты должен, ты будешь бороться,
 каким бы тебе ни грозили концом.
Да, как видно, сейчас нелегкая должность эта,
должность — быть отцом.
Час ночи.

 Мы не гасили огня.
 Я прислушиваюсь.
 Может, через минуту.
а может, под утро
они выберут миг,
 ворвутся в мой дом и уведут меня
в храброй компании наших книг.
И в кругу полицейских,
 готовых ринуться,
все-таки я повернусь и увижу с дороги,
как моя жена стоит на пороге,
как колыхнется платье ее,
 и лицо ее светится,
и как в ее животе, тяжелом от материнства,
мой ребенок
 шевелится и шевелится.

Рождение

Его мать родила мне мальчика.
Мальчик белокурый, безбровый, дышит тепло —

светящийся шар в голубых пленках
и весит три кило.

Когда мой мальчик родился,
родились дети в Корее,
похожие на подсолнечник,
но рука

Макартура
срезала их поскорее,
пока они не попробовали
материнского молока.

Когда мой мальчик родился,
родились дети в застенках Греции.
Их отцов убили,
решетки были
первым в мире,
на что им дали смотреть
и около чего греться.

Когда мой мальчик родился,
родились дети в Анатолии,
они были синеглазые,
черноглазые,
кареглазые.

Но вши их покрыли сразу. И
я не знаю, со сколькими из них
случится чудо —
остаться в живых.

Когда мой мальчик родился,
дети родились в самой великой стране

и окунулись в счастье, которое
дать всем детям хотелось бы мне.

Когда моему мальчику
будет столько лет, сколько мне,
я умру.

Но земной шар уже сможет
стать огромной колыбелью
с шелковой постелью,
где будут наравне
баюкать всех детей
всех цветов кожи!

1951

ИЗ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Дорж Палам Сухийн

(1921—1987)

* * *

Если пуля тебя ранит,
Только ранит — не убьет,
Эту рану врач зашьет
И она болеть не станет,
Пока дождик не пойдет.

Если друг тебя обманет,
Не убьет, а только ранит,
Только в сердце попадет,
Время рану не затянет,
Врач иголкой не зашьет.

* * *

Ходит смерть круг за кругом,
Рвет сердца и аорты...
«Был он другом, был другом», —
Повторяем про мертвых.

Но приходится туго,
И смертельное слово:
«Был он другом, был другом...» —
Говорим про живого.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Юлиан Тувим

(1894—1953)

* * *

Я крохи юности собрал. Что ж, птицам их швырнуть?
Иль, может, их в слова вложив, пустить слова летать?
Слова и птицы улетят и, завершив свой путь, —
Ко мне обратно, тут как тут, и будут снова ждать.

А что им скажешь? Больше нет крох юности моей?
Поверят? Нет! Начнут кружить, как мертвая листва,
Крылами в стекла будут бить, и у моих дверей,
Оставшись верными, умрут и птицы и слова.

ОПЕЧАТКА

В жизнь мою закралась опечатка,
Путаница в тексте на виду, —
Требуется авторская правка:
От рожденья на сороковом году,
На каком от смерти — неизвестно,
Автор просит все исправить вновь —
В тексте вместо слова «безнадежность»
Следует опять читать «любовь».

ИЗ ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ

Витезслав Незвал

(1900—1958)

БАЛЛАДА О НАДЕЖДЕ

Я не любитель по аллеям шаркать,
Не коротатель вечеров в кино.
Я, старый мастер, знаю: в мире жарко,
Ему грозит авария давно!
Вы думаете: взрыв еще не скоро,
Успеете нажать на тормоза?
Нет, мир проскочит ваши семафоры,
И у людей откроются глаза!

Вы нас боитесь! И хотя не тронут
Еще ваш мир рабочей рукой,
Уже вы порох сыплете в патроны,
Ночей не спите, потеряв покой.
Вы птицы невысокого полета,
Вам страшно знать, что где-то спит гроза.
Но час пробьет — и гром начнет работу
И у людей откроются глаза!

Хочу, чтоб вам досталось на орехи,
Чтоб даже дух ваш вымело дотла!
Чтоб вы, поджав хвосты, меняя вежи,
Раз навсегда узнали, чья взяла!
Мы — мастера угля, железа, хлеба,
Решают дело наши голоса.

Мы выйдем в блузах голубых, как небо,
И у людей откроются глаза!
Ремонт земли начнем мы без наряда,
Сойдемся и поднимем руки «за!»,
И сделаем на совесть все, как надо,
И у людей откроются глаза!

1935—1936

БАЛЛАДА О БЕЗРАБОТНЫХ ТОВАРИЦАХ

Часы на что безупречные —
И то вдруг что-то сломается!
А мы — как студенты вечные,
Нам век без работы маяться.
Земной поклон демократии
За наши дни беззаботные!
Пью за вас, мои братья,
Товарищи безработные!

Нам горе идет с процентами,
И нет конца этой повести,
А можно бы стать доцентами,
Будь у нас меньше совести.
Но, к счастью, нам всем не нравятся
Предательства руки потные.
Пусть старый мир нами давится,
Товарищи безработные!

Мы любим людей трудящихся,
Во сне и строим и пашем мы,

Мы не в числе садящихся
На шею народу нашему;
Презираем сытые морды их,
Проповеди их рвотные,
Мы, голодные, гордые, —
Товарищи безработные!

Вряд ли им с нами справиться,
Загнать из людей в животные.
Нам слишком людьми быть нравится,
Товарищи безработные!

1935—1936

* * *

Наконец уезжаю. Последний свисток.
Если б мир был вот этим вокзальным плакатом,
Я швырнул бы его, как ненужный платок.
Что слезами закапан и в катыш закатан.

Словно рыба, долиною слез поплыву...
Может, позже я в этом сравненье раскаюсь.
Но под молнией, падая камнем в траву,
Даже птицы порой говорят заикаясь.
Высыхает платок, заслоня собой города.
Мы под ними весь день по туннелям свистели.
Если б так вот и смерть, как черный туннель

в никуда:

Пролетел — и проснулся в незнакомом отеле.

Ты любил ее, да? Так не бойся разлук,
Пусть она, а не ты, если вздумает, плачет.
Смерть любви — как прыжок без протянутых с купола
рук.
Но ты выжил в тот день, хоть он смертью был начат.

1933

ПРОЩАЙ!

С богом! Прощай! Как ни странно, мы оба не плачем.
Да, все было прекрасно! И больше об этом ни слова.
С богом! И если мы даже свиданье назначим,
Мы придем не для нас — для другой и другого.

С богом! Пришла и ушла, как перемена погоды.
Погребального звона не надо — меня уж не раз
погребали.
Поцелуй, и платочек, и долгий гудок парохода.
Три-четыре улыбки... И встретимся снова едва ли.

С богом! Без слов — мы и так их сказали с избытком,
О тебе моя память пусть будет простой, как забота,
Как платочек наивной, доверчивой, как открытка,
И немножко поблекшей, как старая позолота.

С богом! И пусть ты не лжешь, что меня полюбила
Больше всех остальных... Все же легче нам будет
в разлуке.
Пусть что будет, то будет! Что было, то было...
И тобою и мной к новым судьбам протянуты руки!

С богом! Ну что ж! В самом деле? Ну да, в самом деле.
Мы не лжем, как врачи у постели смертельно
Разве мы бы прощались, если б встретиться снова
Ну, и с богом! Прощай!.. И больше об этом
ни слова!

1933

ИЗ ЦИКЛА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ»

* * *

В мае, месяце зеленом,
От чужих краев устав,
Я вернулся в них влюбленным,
С добрым словом на устах.

Не годясь в ханжи и судьи,
Я чужое не кляню,
Но, конечно, полной грудью
Только дома я вздохну;

Только дома, где отраднo,
Что друзья повсюду есть,
Где туда или обратно
В каждый поезд можно сесть!

* * *

Вот и унесся, как гонщик,
Мучавший нас синий экспресс!
В узкоколейный вагончик
Я по-домашнему влез.

Сел на диванчике низком,
Все мне знакомо кругом.
Медленно, с визгом и писком,
Тащит нас старый вагон;

Весело выкрашен желтым,
Словно домашний комод.
Бабка в нем едет с кошелкой,
С хрустом рогалик жует;

Едут в корзинках продукты,
Пахнет парным молоком.
Шляпу приподнял кондуктор,
Словно со мною знаком...

Кто-то гадает невесте,
Кто-то роняет слезу...
Сердце мое не на месте,
Сердце домой я везу.

* * *

Еду цветущим краем
И слезы лью без вины.
Сиренью, сломанным маем,
Часовни полным-полны.

Кого-то мучают вины,
Душит фальшивый смех.

А я в слезах без причины,
Безгрешно плачу при всех.

Не знаю... А впрочем, знаю:
Разлука долгой была,
Ты, чешская речь родная,
До слез меня довела!

1933

КАТАФАЛК

Снова за стеною до рассвета
Стуки молотка,
Словно заколачивают где-то
Кости бедняка.

Звезды виснут на ветвях дубовых.
До земли их гнут.
Мимо дома этой ночью снова
Черный гроб везут.

Потеряв о времени понятие,
Бьют всю ночь часы,
Словно безъязыкое проклятье,
Где-то лают псы.

И, вскочив, как от удара палки,
Я к окну встаю...
Там везут на черном катафалке
Родину мою.

1943

ЗНАМЕНА ДЕВЯТОГО МАЯ

Небо, небо — цвет свободы,
Цвет лазури и победы,
Все в цветах, в пыли и в песнях
Танки, танки пролетают!
Окна улиц повернулись
И бегут за ними следом.
Прага, Прага, наконец-то
Ты свободна, Золотая!
Я влюблен в тебя в такую,
Мы такой тебя забыли.
Пусть еще стреляют немцы
Из подъездов и подвалов,
Но железом и камнями
От разрушенных бастилий
Мы с тобою вместе, Прага!
Их накормим, как бывало!
Возле танков, где на башнях
Едут пыльные мессии,
У домов, еще звенящих
Ранеными зеркалами,
И в глазах, где, пролетая,
Отражается Россия,
Сбросив путы полонянки,
Прага пляшет вместе с нами!

1945

ПАРИЖ БЕЗ ПОЛЯ ЭЛЮАРА

В Париже пасха. Весна, воскресенье.
Сена тащит под мост облака.
Я иду по весеннему парку.
Среди перевернутых стульев
И оттаявших статуй
Я ищу тебя!
Я прошу Париж мне помочь.
Но он в это время безлюден, как кладбище утром.
Я иду по нему, как слепец, опираясь на палку
рассвета.

Я ищу тебя всюду и вдруг замечаю,
Как на чьем-то лице промелькнет
Твоя чуть надломленная улыбка.
Я беру этот милый весенний денек
Не в свои, а в твои немножко дрожащие пальцы
И люблюсь им вместе с тобой.
Вон деревенские женщины...
Они знают Париж еще хуже меня
И идут по нему, словно Красные Шапочки,
Дай им бог не встретиться с волком.
Если правду сказать, я и ночью искал тебя.
Но Париж мне ответил, что Поль Элюар
Больше здесь не живет.
Что за странный ответ... Ты ведь сам был Парижем?
В каждом городе есть перекрестки братства,
Мы на них встречались с тобой,
Помогая вздуть над землю флаги
Цвета воздуха,
Цвета глаз твоих синих.
Я обнимаю тебя, Элюар,

И твой Париж обнимаю.
Я опять нахожу в нем тебя,
Твою боль, твою нежность, твое дыхание,
Твою память и твой
Понемногу слабеющий,
Уходящий из памяти голос.
Вон по Сене плывет пароходик воскресный...
Мне сейчас показалось, что ты
Тоже так вот уехал
М к вечеру будешь...

1955

ВЗДОХ

Желтый лист над палаткой моей пролетел,
Жаль всего, что ушло и уходит от нас.
Жаль, что дождь и что осенью жизнь без прикрас,
Жаль тех книг — я прочесть их когда-то хотел,
Жаль тех синих, теперь уже выцветших, глаз.

1949—1952

МЕЧТАЮ...

Мечтаю, чтоб мир был с войной незнаком,
Чтоб он и без крови был ярок!
Стихи мои пейте, как чай с молоком,
Я чашки пришлю вам в подарок!

Мечтаю, чтоб мир, как подвал гончара,
Пел глиняным дружеским хором.
Стихи мои весело ешьте с утра
С тарелок с моравским узором.

Но если покоя нам рано просить
И мир еще полон тревогой,
Стихами моими не грех закусить
До боя и перед дорогой.

И если придется ремень потесней
Стянуть среди временных тягот,
Пусть хлебом и сахаром, тем, что нужней.
На стол к вам стихи мои лягут.

Мечтаю, чтоб свет над землей не потух,
В стихах говорю свое мненье,
Я родину утром бужу, как петух,
Мне нравится это сравненье!
1949—1952

НАДПИСИ В ЗАЛЕ КРАСНОЙ АРМИИ В МАВЗОЛЕЕ НА ГОРЕ ВИТКОВ В ПРАГЕ

1

Друг мой, бдителен будь на земле, под которой
я стыну!
Право требовать это я смертью в бою заслужил.
Я ушел на войну. Я убит в день рождения сына.
Я убит — чтоб он жил. Я убит — чтоб ты жил.

2

Человек! Я хочу, чтоб с войною повенчан ты
не был!
Чтобы кровь моя самой последнею кровью была!
Я, объятая раскрыв, как свобода, летел к тебе
с неба,
Парашют мой сгорел, но свобода — пришла!

3

Когда пушки мои говорили с врагами, как судьи,
Когда мир содрогался в хрустящих объятьях
войны,
Догадайся, о чем я мечтал у лафета орудья?
О цветах полевых. Об улыбке жены.

4

Хочешь знать, почему мы навеки великими стали?
Почему нас враги ни согнуть, Ни сломить
не могли?
Нас никто никогда не ковал из железа и стали,
Превратила нас в сталь цель, к которой мы шли!

5

Побеждая, я умер. Я мост наводил через реку.
И по мне, как по мосту, взбежала победы заря.
Если пал человек, чтобы жизнь сохранить
человеку,
Значит, верно он жил. Значит, умер не зря.

6

Если горе войны среди ночи придет к тебе на дом,
Если меч занесен над отчизны седой головой,
Будь с народом своим. Будь не ниже, не выше —
будь рядом.
Нету звания в бою выше, чем рядовой!

7

Не жалею, что я умер. Я умер, себя не жалея,
За тебя и за мать, за просторы родимых полей!
Хочешь быть как отец? Стой в бою, где всего
тяжелее.
И себя, если надо, как он, не жалею!

8

Кто там? Брат мой? Сестра? Кто там молча простился
со мною?
Я не слышу — я мертв. Твоего я не вижу лица,
Но я верю тебе, что свой долг перед этой страной
Честно выполнишь ты, как солдат, до конца!

1953

МОЕ СЕРДЦЕ

Словно в грудь мне засунут чужой кулак,
Сердце вдруг защежит так странно и грозно...
А я жил и не верил, что будет так,
Что я встречу с безжалостным словом «поздно».

У меня еще горы дел впереди,
Я врагам еще буду бросать перчатки!
Но, плохой машинисткой стуча в груди,
Мое сердце делает опечатки.

Мне еще исписать бы листов стога!
А оно норовит к постели причалить.
Мое сердце, зачем веселить врага
И друзей по оружию зачем печалить?

Жизнь дала нам один на двоих билет,
Нам ли спорить теперь, кто больней и старше?
Пусть походный оркестр еще много лет
Нам с тобой помогает шагать па марше!

1949—1952

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА, 1950

На Влтаве трещит и ломается лед,
Весь город осколками льда застеклен.
И дрозд на весеннем кларнете поет
Под окнами Анечек, Ян и Алён.

Течет моя Влтава, и Прага над ней
Стоит, улыбаясь, на древних горах.
Исчезло старье с ее старых камней:
Купец и помещик рассыпались в прах.

Исчезли цилиндры господ из посольств
И хруст векселей и пожизненных рент...
А в замке над Прагой — и в этом вся соль —
Два года рабочий живет президент.

Все утки из пражских вечерних газет
Давно улетели в чужие края,
На пражских панелях бездельников нет,
Им хуже, чем мачеха, Прага моя!

Люблю тебя, Прага, весенней, такой,
Не спящей царевной — девчонкой простой,
Когда над веселою Влтавой-рекой
Бойца вспоминаешь ты с красной звездой.

Отныне покой твоих древних камней
Уже не, взорвут бомбовозы ничьи.
Мы празднично входим в сверканье огней,
Как в оперу, в старые башни твои!

Но в опере этой все наоборот:
Где к золоту лож обращали поклон,
Там сцены по-своему ставит народ,
Там оперой сам дирижирует он!

Лед с треском ломается перед концом.
Как зала концертная, Влтава поет!
Рабочее знамя над старым дворцом,
Как молодость наша, уходит в полет!

1950

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Хесус Лопес Пачеко

(род. в 1930 году)

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1

Не сняв рубахи, не могу писать.
Мои стихи пусть ходят без рубахи.
Пусть ходят просто в коже человека.

Я должен голым чувствовать себя,
Чтоб не одеждой, а самим собой
На радости и боли наткаться.

Когда пишу — все догола снимаю
С души. И этой голою душой
Дышу, и говорю, и в крик кричу

Не сняв рубахи, не могу писать.

2

Кладу руку на Испанию,
на горящую мою!
Вместе с ней в огне горю.
В лихорадке ожидания
«Выздоровей!» говорю.

3

Как ты живешь, моя страна —
Страна такого солнца, —
С такою ночью в сердце?

4

Мне многого не надо —
хоть раз проснуться мне бы
И вдруг увидеть чистым
Над родиною небо!

5

Старого обмана
С глаз содрав бельмо,
Сердце, как ребенок,
Видит жизнь само.
Черной кровью ночи
И трясиной дня
Жизнь однообразно
В сердце бьет меня.
Ну а все же будет
День иной!
Верьте в это, люди,
Вслед за мной!

6

Замолчать? Наоборот!
Завоплю я прямо сердцем,

Если мне растопчут рот.
Видя, как живет народ,
Я б подох от боли, если б
Жил, воды набравши в рот!

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Вельсо Муччи
(род. в 1910 году)

ЗДРАВСТВУЙ, ОТЕЦ!

Вчера я шел по Ташкенту
И вдруг увидел тебя
На стене, на фотовитрине,
Среди фотографий людей
С черной и желтою кожей.
Узбекские мальчики, как воробы,
Пробирались вприпрыжку,
Чтобы, носом клюнув в стекло,
Разглядеть вас поближе.
Ты в театре сидел, у прохода,
Скрестив массивные ноги,
Сгорбив тяжелые плечи.
И глаза на твоём молчаливом лице
Устало смотрели далеко-далеко...
Так устало смотрели,
Что именно эта усталость
Отличала тебя от того,
Каким ты остался
В моей памяти, в нашу последнюю встречу.
Только эта усталость
И помогла мне понять,
Что на снимке был я,
А не ты.
Уже двадцать пять лет, как ты умер.

Но сегодня впервые я понял,
Что за эти годы
Лицо мое стало — твоим,
Стало даже усталей и старше,
Чем твое незадолго до смерти...
Только подумать!
Сколько всего
Должно было в мире случиться,
Чтоб наше с тобою лицо
Пришло из Ломбардской долины
В Ташкент, на улицы эти.
Я уверен, что эта страна
Пришлась бы тебе по душе.
У невысоких домов
Здесь стоят тополя;
И домам и деревьям —
Всем хватает тут солнца.
И к людям
Ты, конечно бы, тут привязался.
Они так же сильны и радушны,
Как твои земляки.
Но напрасно искать на их лицах
Ту горькую складку,
Что застыла на лицах твоих земляков,
Когда голод брал их за глотку
И швырял на поиски хлеба
Из деревни — за океан и обратно.
Сколько было дорог! Сколько сбитых подметок!
Сколько лет, сколько бурь миновало:
Сколько было такого,
Что ты и не мог бы представить!
Даже то, что ты умер, оставив меня одного,

Было, наверное, нужно
Для того, чтобы я, закаленный разлукой,
Пусть со слезами, но вырвал,
Все-таки вырвал
Ту судьбу, без которой
Я самим собою бы не был.
Не солгу тебе — после того как ты умер,
В жизни всякое было;
Разные дули ветра над моей головою,
Было и так — что твою потерял я могилу,
Было и так — что сердце мое высыхало,
Делалось камнем. И делал я вещи, которых
Ты бы, наверно, не понял.
Что было, то было. Много было,
Пока не нашел я дороги,
Что привела наши лица —
Твое и мое —
На эту фотовитрину в Ташкенте.
Так далеко от Ломбардии,
Что даже трудно представить!
Вот мы и встретились,
Вот и слились наши лица,
Твое помоложе, мое — немного постарше...
Здравствуй, отец!
Как я рад, что увидел тебя.
А теперь
Я отойду от витрины
И оставлю тебя одного
Там, за стеклом,
Поплыву по веселой реке
Праздничных улиц Ташкента
И в приливе внезапного счастья,

Как мальчишка, буду нырять
Туда, где громче смеются.
А когда надвинется вечер,
Я, шагая от тополя к тополю,
Дойду до окраины города.
Осеннее небо повиснет
Листом голубого стекла
Над моей головою,
Над всею огромностью Азии,
Над хлопком, над виноградниками,
Над тополиною рощею.
И, возвратившись в город,
Я тебе помашу рукою:
Доброй ночи, отец!

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Редьярд Киплинг

(1865—1936)

ОБЩИЙ ИТОГ

Из департаментских песен

Далеко ушли едва ли
Мы от тех, что попирали
 Пяткой ледниковые холмы.
Тот, кто лучший лук носил,
Всех других поработил,
 Точно так же, как сегодня мы.
Тот, кто первый в их роду
Мамонта убил на льду,
 Стал хозяином звериных троп.
Он украл чужой челнок,
Он сожрал чужой чеснок,
 Умер — и зацапал лучший гроб.
А когда какой-то гость
Изукрасил резьбой кость,
 Эту кость у гостя выкрал он,
Отдал вице-королю,
И король сказал: «Хвалю!»
 Был уже тогда такой закон.
Как у нас — все шито-крыто,
Жулики и фавориты
Ели из казенного корыта.

И секрет, что был зарыт
У подножья пирамид,
Только в том и состоит,
Что подрядчик, хотя он
Уважал весьма закон,
Облегчил Хеопса на мильон.
А Иосиф тоже был
Жуликом по мере сил.
Зря, что ль, провиантом ведал он?
Так что все, что я спою
Вам про Индию мою,
Тыщу лет не удивляет никого —
Так уж сделан человек.
Ныне, присно и вовек
Царствует над миром воровство.

ДОБРОВОЛЬНО «ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ»

Неважный мир господь для нас скропал.
Тот, кто прошел насквозь солдатский ад
И добровольно «без вести пропал»,
Не беспокойтесь, не придет назад!

Газеты ввали вам средь бела дня,
Что мы погибли смертью храбрцев.
Некрологи в газетах — болтовня,
Нам это лучше знать, в конце концов.

Врачи приходят после воронья,
Когда не разберешь, где рот, где нос.

И только форма рваная моя
Им может сделать на меня донос.

Но я ее заставлю промолчать.
Потом лопаты землю заскребут,
И где-то снова можно жизнь начать,
Когда тебя заочно погребут.

Мы будем в джунглях ждать до темноты —
Пока на перекличке подтвердят,
Что мы убиты, стало быть, чисты;
Потом пойдем куда глаза глядят.

Мы снова сможем девочек любить,
Могилы наши зарастут травой,
И траурные марши, так и быть,
Наш смертный грех покроют с головой.

Причины дезертирства без труда
Поймет солдат. Для нас они честны.
А что до ваших мнений, господа, —
Нам ваши мненья, право, не нужны.

НОВОБРАНЦЫ

Когда на восток новобранцы идут —
Как дурни резвятся, как лошади пьют.
Иные из них по дороге умрут,
Еще не начав служить, как солдат,
Служить, служить, служить, как солдат, солдат
королевы!

Эй вы, молодые, поближе к огню!
Я не первых встречаю и хороню.
Но пока вы живы, я вам объясню,
Как должен вести себя умный солдат,
Умный, умный, умный солдат, солдат королевы!

При чуме и холере себя береги,
Минуй болота и кабаки.
Холера и трезвость — всегда враги.
А кто пьян, тот, ей-богу, скверный солдат,
Скверный, скверный, скверный солдат, солдат
королевы!

Если сволочь сержант до точки довел,
Не ворчи, как баба, не злись, как осел.
Будь любезным и ловким — и вот ты нашел,
Что наше спасенье в терпенье, солдат,
В терпенье, в терпенье, в терпенье, солдат, солдат
королевы!

Если жена твоя шьется с другим,
Не стоит стреляться, застав ее с ним.
Отдай ему бабу — и мы отомстим,
Он будет с ней проклят, этот солдат,
Проклят, проклят, проклят солдат, солдат
королевы!

Если ты под огнем удрать захотел,
Глаза оторви от лежащих тел
И будь счастлив, что ты еще жив и цел,
И маршируй вперед, как солдат,
Вперед, вперед, вперед, как солдат, солдат королевы!

Если мажут снаряды над их головой,
Не ругай свою пушку сухой кривой,
А лучше с ней потолкуй, как с живой,
И ты будешь доволен ею, солдат,
Доволен, доволен, доволен солдат, солдат королевы!

Пусть кругом все убиты — а ты держись!
Приложись, и ударь, и опять приложись.
Как можно дороже продай свою жизнь.
И жди помощи Англии, как солдат,
Жди ее, жди ее, жди ее, как солдат, солдат королевы!

Но если ты ранен и брошен в песках
И женщины бродят с ножами в руках,
Дотянись до курка, и нажми впотьмах,
И к солдатскому богу ступай, как солдат,
Ступай, ступай, ступай, как солдат, солдат королевы!

ГИЕНЫ

Когда похоронный патруль уйдет
И коршуны улетят,
Приходит о мертвом взять отчет
Мудрых гиен отряд.

За что он умер и как он жил —
Это им все равно.
Добраться до мяса, костей и жил
Им надо, пока темно.

Война приготовила пир для них,
Где можно жрать без помех.
Из всех беззащитных тварей земных
Мертвец беззащитней всех.

Козел бодает, воняет тля,
Ребенок дает пинки.
Но бедный мертвый солдат короля
Не может поднять руки.

Гиены вонзают в песок клыки,
И чавкают, и рычат.
И вот уж солдатские башмаки
Навстречу луне торчат.

Вот оп и вышел на свет, солдат, —
Ни друзей, никого.
Одни гиеньи глаза глядят
В пустые зрочки его.

Гиены и трусов и храбрецов
Жуют без лишних затей,
Но они не пятнают имен мертвецов:
Это — дело людей.

* * *

Серые глаза — рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след
За винтом бегущей пены.

Черные глаза — жара,
В море сонных звезд скольжение,
И у борта до утра
Поцелуев отражение.

Синие глаза — луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья.

Карие глаза — песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полета.

Нет, я не судья для них,
Просто без суждений вздорных
Я четырежды должник
Синих, серых, карих, черных.

Как четыре стороны
Одного того же света,
Я люблю — в том нет вины —
Все четыре этих цвета.

ДУРАК

Жил-был дурак. Он молился всерьез
(Впрочем, как Вы и Я).
Тряпкам, костям и пучку волос —

Все это пустою бабой звалось,
Но дурак ее звал Королевой Роз
(Впрочем, как Вы и Я).

О года, что ушли в никуда, что ушли,
Головы и рук наших труд —
Все съела она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем — не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Что дурак растрянжирил, всего и не счесть
(Впрочем, как Вы и Я) —
Будущность, веру, деньги и честь.
Но леди вдвое могла бы съесть,
А дурак — на то он дурак и есть
(Впрочем, как Вы и Я).

О труды, что ушли, их плоды, что ушли,
И мечты, что вновь не придут, —
Все съела она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем — не умевшая
знать),
Ни черта не понявшая тут.

Когда леди ему отставку дала
(Впрочем, как Вам и Мне),
Видит бог! Она сделала все,
что могла!
Но дурак не приставил к виску ствола.
Он жив. Хотя жизнь ему не мила
(Впрочем, как Вам и Мне).

В этот раз не стыд его спас, не стыд,
Не упреки, которые жгут, —
Он просто узнал, что не знает она,
Что не знала она и что знать она
Ни черта не могла тут.

ЭПИТАФИИ

(1914—1918)

ПОЛИТИК

Я трудиться не сумел, грабить не посмел,
Я всю жизнь свою с трибуны лгал доверчивым и юным,
Лгал — птенцам.
Встретив всех, кого убил, всех, кто мной обманут
был,
Я спрошу у них, у мертвых, — бьют ли на том свете
морду
Нам — лжецам?

ЭСТЕТ

И отошел помочиться не там, где вся солдатня.
И снайпер в ту же секунду меня на тот свет
отправил.
Я думаю, вы не правы, высмеивая меня,
Умершего принципиально, не меняя своих правил.

НОВОБРАНЕЦ

Быстро, грубо и умело, за короткий путь земной
И мой дух и мое тело вымуштровала война.
Интересно, что способен сделать бог со мной
Сверх того, что уже сделал старшина?

ОРДИНАРЕЦ

Я знал, что мне он подчинен и, чтоб спасти меня,
Он умер, так и не узнав, что надо б все умрет.
наоборот!

ДВОЕ

А. — Я был богатым, как раджа.
Б. — А я был беден.
Вместе. — Но на тот свет без багажа
Мы оба едем.

НОВИЧОК

Они быстро на мне поставили крест,
В первый день, первой пулей в лоб.
Дети любят в театре вскакивать с мест —
Я забыл, что это — окоп.

ЭПИТАФИЯ КАНАДЦАМ

Все отдав, я не встану из праха,
Мне не надо ни слез, ни похвал.
Я не жил, умирая от страха,
Я, убив в себе страх, воевал.

КОМАНДИР МОРСКОГО КОНВОЯ

Нет хуже работы — пасти дураков,
Бессмысленно храбрых — тем более.
Но я их довел до родных берегов
Своею посмертною волею.

БЫВШИЙ КЛЕРК

Не плачьте! Армия дала
Свободу робкому рабу.
За шиворот приволокла
Из Канцелярии в Судьбу,
Где он, узнав, что значит смерть,
Набрался храбрости — любить,
И, полюбив, пошел на смерть,
И умер, к счастью может быть.

ТРУС

Я не посмел на смерть взглянуть
В атаке среди бела дня,
И люди, завязав глаза,
К ней ночью отвели меня.

СОДЕРЖАНИЕ

Вл. Огнев. Трилистник	5
---------------------------------	---

БЫЛ У МЕНЯ ОГРОМНЫЙ МИР

Стихи зарубежных поэтов в переводе
Николая Заболоцкого

ИЗ ЮГОСЛАВСКОЙ ПОЭЗИИ

Сербский эпос

Марко отменяет свадебную пошлину . . .	21
Смерть Королевича Марко	29
Женитьба Джюры Смедеревца	34
Деспот Вук и бан Зринянин	43
Новак и Радивой продают Груицу	46

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

Янош Арань

Толди. Отрывок из поэмы	53
-----------------------------------	----

Антал Гидаш

Стонет Дунай

1. Кружатся волны	78
2. В сумерках Будапешта	79
3. Последнее письмо к дочери	80
4. Бойня	81
5. Говорит мать	82
6. Песня моего отца	82
7. Стонет Дунай	84
8. Говорит сын	85
9. Черные руки	86
10. Раздумье	87
11. Отвернутся травы	87
12. Отмщенья!	88
13. Только мы	88
14. Эпилог	89

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Иоганн Вольфганг Гёте

Свидание и разлука	90
------------------------------	----

Иоганн Фридрих Шиллер

Рыцарь Тогенбург	92
Ивиковы журавли	95
Прощание Гектора	101
Порука	103

Мейергофер

Мемнон	110
------------------	-----

Фридрих Рюккерт	
Песнь старца	111

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Умберто Саба

Мое достояние	113
Паолина	115
Чемпионка по плаванию	116
Три улицы	117

Анджело Мария Рипеллино

Нет, я не говорил...	120
Пришел февраль огромный...	121
Воскресенье	121

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Вальтер Скотт

Песнь Элен. Из «Девы Озера»	123
---------------------------------------	-----

СОЛОВЕЙ

Стихи зарубежных поэтов в переводе
Михаила Исаковского

ИЗ ЮГОСЛАВСКОЙ ПОЭЗИИ

Сербский эпос

Королевич Марко и бег Костадин	127
Королевич Марко пашет	129

Сестра освобождает брата	130
Девушка-беглянка	131
Иван-ага	131
Куна Хасан-ага	132
Золотых дел мастер Иво и тонкопяха Ана	133
Йован Йованович-Змай	
Девушка с приморья	135
Девясил	137

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

Народные песни и баллады

Палко Чином	138
Куруц в изгнании	140
Ракоци в изгнании	142
Жена каменщика Келемена	147
Жена Иштвана Гергё	149
Қата Кадар	150
Йожеф Варади	154
Песня о Шандоре Дако	156
Банди Андьал	158
Яни Шебек	160
Солдатская песня	160
Песня бедняка	161
Не сдержал ты слова...	162
Расставанье	162
Три сиротки	163
Назови меня мужем	164
Запоздалая свадьба	165
Подмастерье мельника	166
Молодица	167
Мать моя, иди домой...	168
Старый муж	169
Като	170
Песня Якоба Буги	170

Три разбойника	172
В воскресенье пополудни...	173
За прялкой	174
Прилети, прилети...	175
Шандор Петефи	
К свободе	176
Венгерский народ	177
Ракоци	179
Застольная песня	180
Молодой батрак	181
Вдоль по улице хожу я...	182
Торг	183
Хозяин Янош	183
Моим родителям	184
Янош Арань	
Соловей	187
Йожеф Леваи	
Микеш	193
Эндре Ади	
Сын мой отдан немцам...	195
Старики	196
Зимняя Венгрия	197
Деревня в страхе	198
Аттила Йожеф	
Что готовит судьба...	199

Дюла Ийеш	
Плуг идет...	202

Кальман Тали	
Взятие Эстергома	204

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Польские народные песни	
Уж раз уезжаешь...	207
Рекрутская	208

ИЗ ПАКИСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Фаиз Ахмат Фаиз	
Мысль моя о тебе...	210
Размышление	211
Мы	212

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Антонио Гуэрра	
Кирпич	214
Гетто	214
Джакомо Новента	
Для того, чтоб увидеть мне солнце...	216

Франческо Масала	
Письмо из Саррабуса мужу-эмигранту	217

Джованни Арпино	
Нас много здесь...	218

НА МАРШЕ

Стихи зарубежных поэтов в переводе
Константина Симонова

ИЗ ТУРЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Назым Хикмет	
Выйдя из тюрьмы	
Утро	221
Вечерняя прогулка	222
Час ночи	225
Рождение	227

ИЗ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Дорж Палам Сухийн	
Если пуля тебя ранит...	230
Ходит смерть круг за кругом...	230

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Юлиан Тувим	
Я крохи юности собрал...	231
Опечатка	231

ИЗ ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ

Витезслав Незвал

Баллада о надежде	232
Баллада о безработных товарищах	233
Наконец уезжаю...	234
Прощай!	235
Из цикла «Возвращение домой»	
В мае, месяце зеленом...	236
Вот и унесся, как гонщик...	237
Еду цветущим краем...	237
Катафалк	238
Знамена девятого мая	239
Париж без Поля Элюара	240
Вздых	241
Мечтаю...	241
Надписи в зале Красной Армии в Мавзолее на горе Витков в Праге	242
Мое сердце	244
Пражская весна, 1950	245

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Хесус Лопес Пачеко

Шесть стихотворений	247
-------------------------------	-----

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Вельсо Муччи

Здравствуй, отец! 250

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Редьярд Киплинг

Общий итог 254

Добровольно «пропавший без вести» 255

Новобранцы 256

Гиены 258

Серые глаза — рассвет... 259

Дурак 260

Эпитафии

Политик 263

Эстет 263

Новобранец 263

Ординарец 264

Двое 264

Новичок 264

Эпитафия канадцам 264

Командир морского конвои 265

Бывший клерк 265

Трус 265

ТРИЛИСТНИК

СТИХИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ В ПЕРЕВОДЕ
НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО, МИХАИЛА ИСАКОВСКОГО,
КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

СПИСОК ОПЕЧАТОК

	Напечатано	Следует читать
В выходных данных	Цена 74 коп.	Цена 80 коп.

Зак. 874

Художественный редактор *А. Купцов*
 Технический редактор *Л. Шупейко*
 Корректоры *Э. Зельдес* и *А. Никитина*

Сдано в производство 18.VIII. 1970 г. Подписано к печати 24.XI. 1970 г. Формат 70X108^{1/32}. Бум. л. 4^{3/8}. Печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 9,39. Изд. № 12/12704. Цена 74 коп. Заказ № 1361

Издательство «Прогресс»
 Комитета по печати при Совете Министров СССР
 Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 21

Набрано в ордена Трудового Красного Знамени
 Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
 Главполиграфпрома Комитета по печати
 при Совете Министров СССР. Москва, М-54, Валовая, 28

Отпечатано в 11-й типографии Главполиграфпрома, заказ 874

Н. Заболоцкий (1903—1958) — крупный русский поэт, один из классиков советской школы перевода. Большой мастер стиха, поэт-философ, Заболоцкий оставил нам высокие образцы оригинального и переводческого творчества — тома грузинской поэзии, величественное здание сербского эпоса, переводы немецких, итальянских, венгерских поэтов. Для стиля Заболоцкого-переводчика характерно сочетание высокой торжественности речи и пластическая рельефность изображения.

Герой Социалистического Труда М. Исаковский (род. в 1900 г.)нискал огромную популярность как автор лирических песен. Простота и ясность речи, характерные для поэта, как нельзя лучше пришлись «ко двору», когда поэт обратился к художественному переводу. Внимание к душе простого человека, к его переживаниям и надеждам, тонкое проникновение в психологию труженика — кредо художника Исаковского — опирается на точность словоупотребления и тактичное использование колорита подлинника.

К. Симонов (род. в 1915 г.) — известный советский поэт. Для оригинального творчества поэта характерны острое чувство современности, активность позиции. Обратившись к переводу Хикмета, Незвала, Киплинга, поэтов народов СССР, Симонов последовательно верен своему принципу «вольного» перевода. Прямота и твердость выражения, тяготение к разговорной речи, свободе формы и отчетливости рисунка — таковы основные черты его переводческого стиля.